K 76 7/23

7/23

К-76 7/23

К76 7/23

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

высказанныя

ПРОФЕССОРОМЪ КРЫЛОВЫМЪ

на

публичномъ диспутѣ въ московскомъ университетѣ
21 декабря 1856 года

на сочиненіе г. Чичерина:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ ВЪ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

МОСКВА.
1857.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, Марта 9-го дня 1857 года.

Ценсоръ Н. Фонъ-Крузе.

БИБЛИОТЕКА
Государственной Библиотеки
№ 1998
22 II 1933 г.

(изъ Русской Бесѣды. Москва 1857 г. № 1.)

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢЧАНІЯ,

ВЫСКАЗАННЫЯ

ПРОФЕССОРОМЪ КРЫЛОВЫМЪ

НА ПУБЛИЧНОМЪ ДИСПУТѢ ВЪ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ 21 ДЕК. 1856 г. (*),

НА СОЧИНЕНІЕ Г. ЧИЧЕРИНА:

ОБЛАСТНЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ РОССІИ ВЪ XVII ВѢКѢ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Диспутъ г. Чичерина есть событіе, для исторіи московскаго университета многознаменательное. Общество къ нему выразило самое теплое сочувствіе: лица различныхъ состояній и убѣжденій, различнаго пола и возраста, въ огромномъ количествѣ, слились вмѣстѣ съ университетомъ въ одную общую, русскую семью, и приняли живѣйшее участіе въ ученой бесѣдѣ. Это мы—члены университета—чувствуемъ и сердечно благодаримъ общество за такое лестное для насъ вниманіе. Но особенный привѣтъ, отъ лица университета, свидѣтельствую любезнымъ дамамъ: ихъ не устрашили наши старые волостели, намѣстники, дьяки и воеводы, отъ которыхъ трепетала нѣкогда вся Русь. Честь и слава геройскому ихъ подвигу! И универ-

(*) Диспутъ г. Чичерина, какъ по избранному предмету, такъ и по личности самаго диспутанта и по стеченію многочисленныхъ слушателей, былъ замѣчательнымъ событіемъ въ лѣтописяхъ московскаго университета. Возраженія гг. проф. Лешкова, Бѣляева и Крылова придали предмету спора еще большую занимательность, разъяснивъ многое и указавъ на необходимость самостоятельнаго, многосторонняго, органическаго изученія нашей Исторіи. Въ особенности глубокое впечатлѣніе произвела рѣчь г. Крылова, которому слушатели выразили свое полное сочувствіе неоднократными и громкими рукоплесканіями. Съ особеннымъ удовольствіемъ, которое вѣрно раздѣлятъ всѣ читатели Русской Бесѣды, помѣщаемъ мы рѣчь многодаровитаго нашего Юриста. Въ слѣдующей книгѣ мы надѣемся помѣстить вторую половину этого замѣчательнаго труда. *Изд.*

ситетъ, съ своей стороны, привѣтствовалъ почтеннѣйшее общество достойнымъ образомъ. *Юридическій факультетъ* возводилъ на каѳедру магистерской степени даровитѣйшаго своего питомца, обстановленнаго и готовою литературною славою, и новымъ ученымъ трудомъ, который онъ представляетъ на судъ публики, и блестящими надеждами на будущіе успѣхи. Живою, бойкою рѣчью онъ заявляетъ себя собравшемуся обществу, высказывая въ ней свои юридическія убѣжденія и дѣлая общій очеркъ своего многосложнаго сочиненія.

Начался диспутъ.

Въ качествѣ университетскаго *оппонента*, я сдѣлалъ нѣсколько критическихъ замѣчаній, относящихся къ цѣлому составу сочиненія— и къ *формальной* его *сторонѣ*, и къ *матеріальной*, сколько возможно было по узкимъ предѣламъ времени. По желанію многихъ, присутствовавшихъ и не присутствовавшихъ на диспутѣ, дать этимъ замѣчаніямъ печатную гласность, я рѣшился перевѣрить высказанныя мною мысли, пополнить тамъ, гдѣ онѣ имѣли летучую, словесную форму, и въ этомъ, отчасти уже обновленномъ, видѣ предлагаю ихъ теперь на судъ просвѣщеннаго общества.

Цѣль моихъ замѣчаній вовсе не та, чтобы взвести на молодаго ученаго, отъ имени науки, обвинительный актъ, обличить въ ложномъ пониманіи исторіи русскаго права, и тѣмъ лишить его и нравственнаго, и ученаго достоинства, которое безспорно ему принадлежитъ. Нѣтъ, такой тяжелый процессъ мнѣ не по душѣ. Напротивъ, какъ прежній наставникъ, я радуюсь успѣхамъ даровитаго ученика, сочувствую ему въ его тяжелыхъ, но блистательныхъ трудахъ на поприщѣ юной исторической науки, уважаю его разсудочный талантъ, удивляюсь и точности юридическаго языка, и богатству знаній источниковъ, которое онъ успѣлъ пріобрѣсти въ короткое время. При такомъ лестномъ, для многихъ завидномъ положеніи молодаго ученаго, мнѣ хотѣлось бы принять какое-нибудь участіе въ его ученой работѣ, и содѣйствовать, по мѣрѣ силъ моихъ и знаній, къ дальнѣйшимъ успѣхамъ его на поприщѣ науки. Русскому дѣятелю, особенно даровитому, обязаны мы всѣ помогать, кто чѣмъ можетъ. Если въ его литературныхъ произведеніяхъ окажется какое-либо несовершенство, неправильность, неполнота, то мы должны указать ему на эти слабыя стороны; но указать съ любовію, уваженіемъ, благодушіемъ, дабы не огорчить его въ трудѣ, и безъ того уже безотрадномъ. Вотъ, съ какой стороны смотрю я на ученую критику. И вотъ источникъ, откуда вытекла потребность души моей,

внезапная и неожиданная, высказать на публичномъ диспутѣ мои ученыя убѣжденія, мои воззрѣнія на науку юридическую. Быть можетъ, и г. Чичеринъ, и другіе мои ученики, которыми, признаюсь въ слабости, сердечно любуюсь, найдутъ въ нихъ что-нибудь годное для своихъ ученыхъ работъ; быть можетъ, какая-нибудь мысль, сказанная мимоходомъ, глубоко заляжетъ въ душѣ молодаго труженика и освѣтитъ ему темный путь изысканій по русскому праву. При такомъ возможномъ предположеніи, цѣль моихъ критическихъ замѣчаній вполнѣ достигнута. И такъ съ любовію и уваженіемъ я встрѣтилъ г. Чичерина въ тотъ рѣшительный моментъ, когда онъ представился многочисленному московскому обществу, какъ соискатель ученой степени, какъ состязатель и защитникъ своихъ положеній. Въ одинаковомъ тонѣ—тогда и теперь—я высказываю свои замѣчанія. Если сердечная влага, смягчавшая изустную рѣчь, нѣсколько уже высохла отъ давленія типографскаго станка, то чувство остается прежнее.

Самая блистательная, поразительная сторона въ сочиненіи г. Чичерина, это—сціентифическое построеніе исторіи русской, возведеніе фактическихъ явленій въ понятія, понятій въ типы; времена, у большей части нашихъ изслѣдователей сливаемыя, здѣсь раздѣляются; событія разнообразныя и темныя получаютъ смыслъ; невидимые моменты въ исторіи духа народнаго выясняются и выходятъ наружу; видно движеніе началъ, мыслей. Однимъ словомъ, у г. Чичерина русская исторія представляется не въ одномъ *пространствѣ*, но и *во времени*. Это, по моему мнѣнію, не маловажное достоинство всякаго историческаго произведенія, но по преимуществу — въ отношеніи къ русской исторіи.

Я отдаю полную справедливость разсудочному акту мышленія, которымъ г. Чичеринъ связываетъ разрозненныя и какъ бы случайныя явленія въ исторіи русскаго права въ стройную систему, извлекаетъ изъ массы событій общіе итоги, преломляетъ старую жизнь подъ извѣстнымъ умственнымъ угломъ, и тѣмъ самымъ вводитъ въ нее господство началъ, идей, понятій. Исторія человѣчества есть откровеніе общечеловѣческихъ идей, а не безсмысленное происшествіе.

Наше русское право находится въ первой порѣ своего литературнаго бытія, едва начинаетъ воспринимать наукообразную форму; неудивительно, если оно носитъ признаки своего несовершенства. Русскимъ дѣятелямъ на этомъ поприщѣ предстоитъ много трудностей; надобно сдѣлать много уклоненій отъ истиннаго пути, много ошибоч-

ныхъ опытовъ, чтобы наконецъ воспроизвести настоящій образъ прошедшихъ вѣковъ. Но они не должны робѣть предъ этимъ роковымъ, неизбѣжнымъ закономъ литературы: предъ ними стоятъ высокіе, поучительные образцы—дѣятели на томъ же поприщѣ, относительно исторіи другихъ народовъ. Сколько сдѣлано трудовъ, усилій человѣческаго духа, чтобы освоить, приблизить къ намъ классическій римскій міръ! И онъ все-таки былъ слишкомъ далекъ отъ дѣйствительнаго, живаго своего типа, пока не возстановилъ его великій *Нибуръ*! И это онъ сдѣлалъ не однимъ орудіемъ знанія, не путемъ аналитическаго изслѣдованія по древнимъ памятникамъ, но силою высокаго историческаго такта, какимъ-то *пророческимъ видѣніемъ*. Какую блѣдную, безобразную физіономію носила исторія *германскаго права*, пока *Эйхорнъ* и новая историческая школа не очистили ее отъ всѣхъ чуждыхъ и недостойныхъ наростовъ! Но дѣло нашей историко-юридической литературы гораздо труднѣе, чѣмъ западной. Классическій *римскій міръ* богатъ былъ типическими образами, яркими идеями, *разсудочными началами*, которыя управляли человѣческими событіями и сообщали имъ логическое единство, опредѣленный смыслъ. *Германскій міръ*, самъ по себѣ, отдѣльно стоящій, есть неопредѣленнѣйшій, неуловимый организмъ: идеи юридическія какъ будто разошлись по всѣмъ сторонамъ, окрѣпли въ общественныхъ формахъ, срослись съ фактическими явленіями и укрылись отъ сціентифическаго анализа. Но по мѣрѣ прикосновенія своего съ римскимъ міромъ, онъ постепенно проникается римскими юридическими началами, воспринимаетъ опредѣленныя—внѣшнія формы, сосредоточивается въ извѣстныхъ отдѣльныхъ моментахъ политическаго и гражданскаго бытія, и такимъ образомъ изъ своего хаотическаго, внутренняго, субъективнаго состоянія выходитъ наружу—и дѣлается способнымъ для наукообразнаго пониманія. Нашъ русскій бытъ стоитъ одиноко въ этой безпредѣльной, широкой *равнинѣ*, называемой—*Россіею*; онъ отрѣзанъ отъ западнаго міра и чрезъ то лишился вліянія латино-романскаго элемента, который такъ благотворно дѣйствовалъ на гражданскую сторону западной цивилизаціи. Прикосновеніе къ нему *Греко-Византійскаго міра* ограничивалось болѣе внутреннею—церковною стороною, нежели политическою. Удивительно ли, что русскій народъ, предоставленный своимъ собственнымъ однороднымъ силамъ, замкнутый въ необозримомъ пространствѣ, безъ всякаго соприкосновенія съ народами высшей цивилизаціи, дѣйствующій самъ на себя, не имѣлъ

тѣхъ средствъ, какими владѣлъ Западъ, для выработыванія опредѣленныхъ, яркихъ началъ политической жизни. Это отсутствіе юридическихъ формъ слишкомъ ощутительно для науки и затрудняетъ дѣло изслѣдованія. Есть событія—и какое ихъ множество,—а не доумѣваешь, какъ ихъ сознать, въ какое общее понятіе возвести, какимъ техническимъ языкомъ выразить; есть борьба, и какая—вѣковая, кровавая,—борьба на жизнь и смерть; но она не обозначается никакимъ яснымъ процессомъ восхожденія отъ одного историческаго состоянія въ другое, не уравниваетъ борющіеся элементы, большею частію выражается въ цѣлостномъ истребленіи одного другимъ, а часто не сопровождается никакими послѣдствіями. Вообще эта безконечная, старая борьба преслѣдовала одни мѣстные, *династическіе* вопросы, была битвою сословій, а не цѣлаго народа. Народъ русскій спокойно, даже съ нѣкоторою ироніею, смотрѣлъ на эту *драку* В. Князя съ удѣльными, удѣльныхъ князей съ боярами, не принимая въ ней никакого сердечнаго, дѣятельнаго участія.

Вотъ, въ какую тёмную, непроходимую, необмеженную землю вступаетъ ученый русскій изслѣдователь! У него нѣтъ подъ рукою готовыхъ типическихъ формъ, которыя бы можно было приложить къ русской исторіи, не опасаясь еще болѣе затемнить ея физіономію. Старая Русь, подобно водной массѣ, не наплывала на какой нибудь гранитной міръ, какъ германскіе народы, и не отражалась въ опредѣленныхъ, какъ бы тѣлесныхъ формахъ волнъ. Лѣтопись наша, литература юридическая отражаетъ всю эту обыденную жизнь, безъ всякой разсудочной рефлексіи, безъ ясной идеи, безъ художественнаго языка; она скользитъ по однимъ явленіямъ, не возводя ихъ въ понятія. Иногда благочестивый дѣписатель, какъ бы утомленный перечнемъ человѣческихъ дѣяній, съ чувствомъ воздыханія переносится наконецъ въ религіозный міръ и тамъ ищетъ объясненія исторіи нашего отечества. Я испытываю всегда отрадное, но вмѣстѣ съ тѣмъ какое-то болѣзненное впечатлѣніе, когда вижу молодаго ученаго, отважно и смѣло выступающаго на поприще историческихъ изслѣдованій по русскому праву. Моя ученая дѣятельность сосредоточена въ другомъ мірѣ — *римскомъ*; тамъ всегда весело работать: народная жизнь выработала множество типическихъ формъ, въ которыя можно вставлять всякое историческое содержаніе; литературныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ было множество во всѣ времена. Всѣ вмѣстѣ, безъ различія временъ и народовъ, въ какой-то чудной, всемірной, дружественной бесѣдѣ, одинъ

другому помогаемъ, одинъ другому передаемъ свои впечатлѣнія, и работаемъ надъ однимъ общимъ дѣломъ; понятно, что такая работа должна имѣть счастливый успѣхъ. Другая работа у русскаго изслѣдователя. Вмѣстѣ съ народомъ, и онъ одиноко стоитъ въ этомъ тёмномъ и безпредѣльномъ пространствѣ, не распознавая часто и времени. Что же остается ему дѣлать? Гдѣ взять образцы для подражанія? Гдѣ хранится планъ художника, по которому созидалось многовѣковое зданіе—*Государство Россійское*? Да, есть надъ чѣмъ здѣсь призадуматься....

Сочиненіе, къ которому относятся мои критическія замѣчанія, именно обхватываетъ Россію въ этомъ мрачномъ пространствѣ, между двумя опредѣленными линіями—*родовымъ* ея бытомъ и *государственнымъ*. Не удивительно, если слѣдователь, не имѣя путеводной нити, иногда уклоняется въ сторону, и ведетъ насъ по такимъ путямъ, по которымъ наши предки никогда не проходили. Вотъ здѣсь мы обязаны подать ему руку, и помочь ему, кто чѣмъ можетъ.

Въ двухъ *статьяхъ* — я намѣренъ высказать свои юридическія убѣжденія объ этомъ предметѣ. Въ *первой статьѣ*, которую теперь предлагаю на судъ науки, мои замѣтки относятся къ *внѣшней, методической сторонѣ* сочиненія; во *второй статьѣ* подвергнуто будетъ критикѣ самое *содержаніе*, или *внутренняя сторона* разсужденія.

И такъ начинаемъ съ *формальной*, или *методической стороны* разсужденія.

Методъ въ наукахъ историческихъ есть самая главная вещь; отъ него зависитъ правильность или неправильность пониманія событій. Здѣсь онъ тоже значитъ, что инструментъ въ наукахъ естественныхъ и астрономическихъ. По этому сходству, онъ долженъ имѣть одинакія съ нимъ качества. Въ инструментѣ требуется, чтобы онъ былъ хорошо устроенъ для точнаго наблюденія явленій; далѣе, чтобы онъ былъ поставленъ на томъ самомъ мѣстѣ, откуда удобно дѣлать наблюденія, и наконецъ, чтобы наблюдатель умѣлъ владѣть имъ. Безъ этихъ принадлежностей, наблюденіе не будетъ имѣть никакого успѣха, останется безплоднымъ трудомъ, свидѣтельствующимъ объ одномъ нравственномъ, но все таки неученомъ, жалкомъ усиліи работника. *Міръ нравственный* — человѣческій бытъ—гораздо многосложнѣе, неуловимѣе для наблюденія, чѣмъ міръ физическій. Здѣсь пропускъ явленій къ мысленному сознанію совершается свободнымъ, духовнымъ,

личнымъ актомъ, а не посредствомъ механическаго, однообразнаго снаряда. Естественно, что каждый наблюдатель, по своему закону мышленія и по личнымъ пріемамъ, преломляетъ явленія и извлекаетъ изъ нихъ непреложныя, разумныя истины. Разсматривая сочиненіе г. Чичерина съ *методической* стороны, я замѣтилъ въ немъ нѣкоторые недостатки, которые теперь и перечисляю въ логической постепенности.

I.

ПРЕОБЛАДАНІЕ ОТВЛЕЧЕННЫХЪ, ЛОГИЧЕСКИХЪ НАЧАЛЪ, И ПОДЧИНЕНІЕ ИМЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЯВЛЕНІЙ.

Разсматриваемое сочиненіе, по духу своему и направленію, есть болѣе *философское*, нежели *историческое*. Логическія начала вездѣ господствуютъ надъ событіями; свободныя движенія лицъ подчинены роковымъ, непреложнымъ законамъ; изъ фактическихъ, многосложныхъ явленій выводятся опредѣленныя понятія; процессъ живой исторіи совершается въ правильномъ, послѣдовательномъ порядкѣ, безъ малѣйшихъ уклоненій. Отъ одного состоянія народъ переходитъ въ другое, одинъ типъ смѣняется другимъ, безъ всякихъ затрудненій, безъ личныхъ препятствій. Различныя состоянія историческія выражаютъ какое-то мѣрное, вѣсомое содержаніе; когда это содержаніе отъ времени потребится, совершенно изчезнетъ, тогда открывается новое историческое состояніе, съ другимъ измѣреннымъ содержаніемъ; въ свою очередь—оно уступаетъ мѣсто другому новому быту; и вотъ идетъ народъ въ какой-то торжественной процессіи къ одному непреложному пункту,—къ другому сборному мѣсту—*къ Московскому государству*. Въ извѣстную эпоху онъ дѣлаетъ одно дѣло, которое ему назначено, трудится надъ рѣшеніемъ одной исторической задачи, весь сосредоточенъ, погруженъ въ этой работѣ, не имѣя ни времени, ни нравственной возможности подумать о чемъ-нибудь другомъ. Какъ будто ему заданъ неизвѣстнымъ учителемъ *урокъ*. Надобно отдать полную справедливость разсудочному таланту г. Чичерина; онъ—великій мастеръ въ построеніи логическихъ понятій. Въ его умственной лабораторіи, съ необыкновенною скоростію, отливаются типическія формы—круглыя, цѣльныя, яркія, въ которыхъ удобно заключается историческое со-

держаніе. На читателя это производитъ обаятельное дѣйствіе: безъ всякаго труда, разомъ, онъ понимаетъ исторію, видитъ начало и конецъ бурныхъ движеній, имѣетъ въ запасѣ типическія слова, которыми переводитъ въ сознаніе историческія происшествія. Какъ будто къ различнымъ эпохамъ приставлены *ярлыки*, въ которыхъ значится форма и характеръ болѣзненнаго состоянія государства. Такимъ образомъ, подъ водительствомъ логическихъ началъ, Русскій народъ сперва находился въ племенномъ, родовомъ и родственномъ союзѣ; потомъ разомъ вышелъ изъ всѣхъ этихъ союзовъ, запамятовалъ прежнее физіологическое, религіозное и политическое единство —и вотъ изъ его живаго, цѣльнаго организма выступаютъ отдѣльныя лица, одиноко, разрозненно стоящія, безъ общей связи, безъ единой цѣли въ своихъ движеніяхъ; каждое лице обособляется и преслѣдуетъ свои личныя, частныя цѣли. Открывается повсюду ужасное явленіе—*всеобщее кочеваніе*, какая-то вольность, ничѣмъ не сдержанная. Наконецъ выходятъ на сцену новые строители, закладчики государства—Московскіе Цари. Здѣсь исторія русская воспринимаетъ совершенно новую физіономію; весь старый порядокъ объявленъ несостоятельнымъ и разрушается неумолимою рукою, безъ всякой пощады человѣчества и существующихъ состояній общественныхъ, во имя новаго высшаго порядка. Таковъ общій кругъ идей, составляющихъ содержаніе русской исторіи. Подлѣ этихъ крупныхъ, типическихъ формъ, стоятъ на второмъ планѣ мелкіе типы, также съ логическимъ характеромъ. Изъ государя старой Руси сдѣланъ *Вотчинникъ*; изъ Русской земли, со всѣмъ ея подвижнымъ населеніемъ, составлена *Вотчина;* изъ личныхъ органовъ государственной власти вышли частные управляющіе; изъ судей и правителей кормленщики. И такъ на первый взглядъ все ясно, отчетливо, все имѣетъ смыслъ, опредѣленную физіономію: вездѣ выставлены *знамёна*, съ яркими фигурами и словами.

Но когда подвергнешь этотъ логическій процессъ новому анализу, когда понятія перевѣришь съ событіями, тогда эта очаровательная ясность мало по малу начинаетъ изчезать. Построеніе логическихъ понятій — дѣло трудное; надобно имѣть особенную способность и опытность обращаться съ ними. Кажется, едва ли пришла настоящая пора къ построенію Русской исторіи, особенно юридической, по логическимъ началамъ: источники наши еще не достаточно обработаны критикою; матеріалы для строенія не всѣ приготовлены, слѣд. нельзя дѣлать вѣрныхъ отвлеченій, не зная всѣхъ признаковъ пред-

мета. Вообще, наша исторія менѣе всѣхъ способна къ типическому созерданію: и славянскій, и канонической элементъ не укладываются въ узкихъ сосудахъ, которые отливаются нашими учеными зодчими для этой цѣли. Незамѣтно мы занесемъ въ нашу исторію личный, произвольный, нашей работы типъ, или, при недостаткѣ его, будемъ заимствовать логическія формы у другихъ народовъ. Такимъ образомъ наша своеобразная, самобытная русская исторія должна находиться подъ чужимъ опекунствомъ, должна дѣлать движенія, по указанію пѣстуна, несвободныя, мѣрныя. Такой характеръ не соотвѣтствуетъ человѣческой, личной природѣ вообще, но особенно природѣ русскаго народа. Въ построеніяхъ своихъ г. Чичеринъ иногда не соблюдаетъ главныхъ логическихъ правилъ. Обыкновенно онъ, при составленіи какого либо юридическаго понятія, останавливается на однихъ внѣшнихъ, болѣе яркихъ, но не существенныхъ признакахъ событія; онъ увлекается здѣсь древними литературными памятниками, сохранившими для насъ эти же признаки. Но одинъ пріемъ у лѣтописи, а другой долженъ быть у науки. Лѣтопись (въ обширномъ смыслѣ) отражаетъ одну поверхность историческихъ дѣяній, говоритъ тѣмъ же почти языкомъ, какимъ народъ выражалъ свои понятія. Юридическая наука должна отбросить случайные, несущественные признаки событій, изъ внѣшнихъ явленій должна извлечь одну сущность, подъ общими тѣлесными формами распознать особенную природу юридическаго института. Однимъ словомъ, она имѣетъ дѣло съ понятіями, а лѣтопись съ явленіями. *Юридическія понятія* невидимы, безтѣлесны, духовны: таково ихъ существо. Пониманіе ихъ возможно для насъ только чрезъ *умозаключеніе*, т. е., изъ извѣстныхъ жизненныхъ явленій мы заключаемъ о бытіи того или другаго юридическаго понятія. На поверхности человѣческаго быта, предъ глазами всѣхъ, ярко, въ чувственныхъ, поразительныхъ формахъ, стоятъ различные юридическіе институты, а дѣйствіе ихъ совершается посредствомъ личныхъ органовъ, представителей юридической идеи. Надобно имѣть великую опытность въ силлогистическихъ пріемахъ, надобно имѣть высокое юридическое образованіе, чтобы проникнуть разумнымъ образомъ жизнь и отдѣлить случайныя явленія отъ понятій.

Неужели нашъ старый вѣкъ могъ владѣть этимъ новымъ искусствомъ? Но наука, юриспруденція, имѣетъ такое художественное призваніе. Обыкновенно, въ жизни *политической* и *граждан-*

ской—выступаютъ наружу сперва вещественные образы—*владѣніе, пользованіе, кормленіе, дробленіе* и т. д. За этими образами сокрыты свѣтлые типы института-невещественные, безличные, никѣмъ не осваемые въ частную собственность: это *вѣчныя идеи*, которыя суждено народамъ развивать *во времени*. Здѣсь начинается разнообразнѣйшій процессъ всемірно-историческаго развитія: каждый народъ, по своимъ условіямъ, выдѣлываетъ изъ этихъ идей свои формы, иногда уродливыя, иногда красивыя. Чѣмъ ниже степень гражданскаго его образованія, тѣмъ менѣе онъ способенъ къ отлитію правильныхъ, мѣрныхъ и изящныхъ — *ваятельныхъ* формъ. Къ старой Руси, и по общимъ историческимъ законамъ, и по мѣстнымъ обстоятельствамъ, отодвинувшимъ ее отъ западной лабораторіи, по преимуществу относится послѣднее состояніе. Въ ней ясно ощущается недостатокъ ваятельнаго мастерства. Вещественныя оболочки, и притомъ изъ самой простой, грубой ткани, закрываютъ весь духъ учрежденій, всю духовную, свѣтлую ихъ физіономію. Наукѣ принадлежитъ трудная, аналитическая операція, которую г. Чичеринъ совершаетъ, по моему мнѣнію, слишкомъ бѣгло, необдуманно и не всегда правильно. Но примѣры, въ этомъ случаѣ, убѣдительнѣе всякаго отвлеченнаго представленія. Мы разберемъ одно какое нибудь *юридическое понятіе*, которое находится въ самомъ сочиненіи. И такъ возьмемъ для образца *судъ*. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ государственный институтъ у г. Чичерина получилъ въ отдѣлкѣ необыкновенно стройную, лоическую форму (1).

При составленіи понятія о судѣ, какъ о *частной, вещественной собственности князя, отдаваемой намѣстникамъ и волостелямъ въ кормленіе по частному же праву*, г. авторъ остановился на однихъ внѣшнихъ, яркихъ, но несущественныхъ признакахъ этого важнаго государственнаго института. Отсюда—блѣдная, мрачная, узкая, ненастоящая его физіономія. *Судъ* есть одна изъ отраслей верховной власти, не имѣющая ни цѣны, ни мѣны, ни мѣры, ни вѣса, чѣмъ распознается обыкновенное *оборотное, рыночное, частное право*. *Личный* органъ, которымъ выражается судное начало въ общественной жизни, всегда и вездѣ есть публичное, государственное лице, а не частный владѣлецъ. Къ этому

(1) Областныя учрежденія, стр. 4—21.

невещественному типу привходитъ внѣшняя, условная оболочка, различная у различныхъ народовъ; у насъ въ Россіи *кормленіе*.

Кормленіе есть понятіе видовое, второстепенное, даже случайное, а не существенное, ибо можетъ быть, и на самомъ дѣлѣ часто бывалъ — *судія некормленщикъ*, на пр. у Римлянъ. Неужели претора смѣемъ мы назвать кормленщикомъ? Да едва ли кто дерзнетъ этимъ титуломъ пожаловать и провинціальнаго *проконсула*, который не только продовольствовалъ себя и весь свой многолюдный штабъ на счетъ провинціи, но и съ избытками уходилъ въ Римъ послѣ годоваго управленія.

Когда этотъ признакъ—*кормленіе*, положимъ, въ древней нашей жизни слишкомъ ярко выдающійся, поставленъ на первомъ планѣ института, тогда измѣняется, обезображивается настоящая физіономія судіи. Его судная должность покрывается вещественнымъ, корыстнымъ элементомъ, и г. Чичеринъ подвергаетъ его, въ этомъ жалкомъ одѣяніи, самому тонкому, аналитическому дробленію, забывши совсѣмъ объ его высшей, свѣтлой сторонѣ, и оканчиваетъ эту мрачную картину ужаснымъ приговоромъ. «*Очевидно, что во всѣхъ судебныхъ случаяхъ имѣлось въ виду не столько преступленіе, сколько доходное дѣйствіе, котораго общественное значеніе скрывалось за частнымъ: извѣстнаго рода преступленіе составляло какъ бы собственность судьи*» (1). *Жестоко слово сіе!* невольно воскликнешь при этомъ приговорѣ.

Языкъ народный вѣрнѣе г. Чичерина передалъ намъ значеніе этого института, называя судію *намѣстникомъ*, *волостелемъ* и другими почетными, публичными титулами, а не *кормленщикомъ;* въ немъ болѣе чутья, нежели въ нашихъ отвлеченныхъ, произвольныхъ представленіяхъ. Не называемъ же мы теперь этимъ именемъ чиновника, дѣйствующаго на поприщѣ государственной службы и получающаго за то вещественное вознагражденіе— *жалованье — кормленіе*; тоже или почти тоже было и въ старой Руси. Кормленіе идетъ вмѣстѣ съ государственною службою и не отдѣлено отъ личной многотрудной дѣятельности намѣстника; оно не означаетъ его увѣчнаго, болѣзненнаго состоянія, въ которое онъ пришелъ отъ службы, и за которую теперь, по милости добраго хозяина—князя, получаетъ пожизненый *пенсіонъ*. Въ такомъ случаѣ, всѣ правитель-

(1) Разсужденіе, стр. 11.

ственныя и судныя учрежденія стараго и новаго государства имѣютъ значеніе общей *государственной богадѣльни*, гдѣ доживаютъ послѣдніе дни—убогіе служилые люди—*кормленщики*.

Подобному критическому анализу можно бы было подвергнуть и другія юридическія понятія, которыми такъ обильно сочиненіе г. Чичерина, и показать ихъ логическую и историческую несостоятельность. Но достаточно на первый разъ и вышеозначеннаго примѣра. Подробный разборъ главныхъ юридическихъ воззрѣній мы отлагаемъ до слѣдующей *статьи*, гдѣ имъ настоящее мѣсто. Теперь же мы занимаемся одною методическою стороною разсужденія. И такъ мы видимъ, что построеніе логическихъ понятій—дѣло трудное, а подчиненіе имъ историческихъ явленій еще труднѣе и опаснѣе. *Definitio in jure periculosa est:* сказалъ римскій юристъ, обладающій величайшимъ дарованіемъ къ юридическимъ созерцаніямъ. Г. Чичеринъ, при такомъ методическомъ направленіи, выставляетъ на первомъ планѣ нашей исторіи какія-то отвлеченныя, узкія, *разсудочныя начала*, потомъ дѣлитъ ихъ на мелкія дроби, совершаетъ какой-то *діалектическій актъ*, и тѣмъ самымъ заслоняетъ живую, личную, величавую фигуру нашего народа и его юридическихъ учрежденій. Вотъ *первое мое замѣчаніе* на методическую сторону разсужденія. За нимъ слѣдуетъ *второе, третье, четвертое, пятое*, и всѣ въ логической преемственности.

II.

Преобладаніе философскихъ моментовъ Гегеля, именно господство втораго момента — гражданскаго общества, и подчиненіе ему русской исторіи въ эпоху, разсматриваемую г. Чичеринымъ.

Вчитываясь въ сочиненіе г. Чичерина, углубляясь въ проникновеніе самаго логическаго процесса, который совершался въ умѣ автора, невольно чувствуешь, что актъ мышленія происходитъ подъ вліяніемъ *готовыхъ* философскихъ началъ, системъ. Эти системы, большею частію нѣмецкой работы, приложены къ *Русской Исторіи*. Кто знакомъ съ философіею *Гегеля*, особенно *философіею права*, тотъ чутьемъ уже понимаетъ присутствіе ея началъ въ означенномъ разсужденіи. Я самъ на себѣ испыталъ это впечатлѣніе, нисколько еще не заподоз-

ривая г. Чичерина въ гегеліанскомъ направленіи. При личной ученой бесѣдѣ—на университетскомъ диспутѣ—я высказалъ свое подозрѣніе, и получилъ отъ автора добросовѣстное признаніе. И такъ теперь наше критическое дѣло становится яснѣе и легче. Извѣстна знаменитая *троица*, прототипъ всей философіи Гегеля, отражающій вездѣ и всегда *три момента*, три *акта*, три *состоянія* всего видимаго и невидимаго—существующаго, и даже *несуществующаго:* ибо и *небытіе* у Гегеля проходитъ три состоянія.

Для исторіи человѣчества назначены три формы, одна другою по чередѣ смѣняемыя: *семейство*, *гражданское общество* и *государство:* (Familie, bürgerliche Gesellschaft und Staat). На долю русской жизни, подвергнутой историческому созерцанію въ сочиненіи г. Чичерина, выпала вторая форма, второй моментъ ея бытія. Признаки *гражданскаго общества*, по Гегелю, слѣдующіе: 1) вторичное его происхожденіе, вслѣдъ за разрушеннымъ семействомъ; 2) самостоятельное развитіе отдѣльной личности (die Besonderheit, die konkrete Person); 3) стремленіе оной къ эгоистическимъ, частнымъ, матеріальнымъ цѣлямъ (besondere Zwecke); 4) образованіе особой системы гражданскихъ потребностей для сохраненія индивидуальнаго бытія (System der Bedürfnisse); 5) Развитіе гражданскаго частнаго права — въ двухъ главныхъ формахъ — собственности и договора; 6) Очередная несостоятельность этого момента, цѣлостное разложеніе и торжественное выступленіе въ исторію третьяго момента — *государства* (1). Когда представимъ мысленно всю картину начертаннаго г. Чичеринымъ русскаго быта, тогда невольно видимъ вездѣ проглядывающій образъ *гражданскаго общества*; какъ будто авторъ дѣлаетъ искусный снимокъ съ этого типа: признаки одни и тѣже и процессъ тотъ же. И такъ мы видимъ, что Русь вышла уже изъ семейственнаго, родоваго, племеннаго быта, и вышла *цѣликомъ*, ничего съ собой не взявши на дорогу;—а путь ей, признаться надобно, предстоитъ долгій и трудный; она расторгнула всякую связь съ прошедшимъ, забыла даже преданіе, законы, нравы, обычаи, едва ли и самое тѣло не сбросила съ себя, потому что нигдѣ его не видно, и въ этомъ безродномъ, одинокомъ состояніи является, какъ *бобыль*, подъ именемъ *гражданскаго общества*. Въ этомъ дивномъ обществѣ видимъ мы безконечное множество частныхъ лицъ, не сосредоточенныхъ ни въ какихъ естест-

(1) См. Hegel, Rechts-Philosophie. § 182 — 257.

венныхъ и юридическихъ союзахъ, не прикрѣпленныхъ ни къ какимъ общественнымъ учрежденіямъ, оторвавшихся даже отъ земли. Предъ нами выступаетъ какая-то тѣнь; это индивидуальная личность — наша собственная персона, стремящаяся къ отдѣльнымъ цѣлямъ, погруженная въ частномъ быту, разгульно бродящая по Божьему свѣту, хотя и въ предѣлахъ русской земли. Это старая вольница, необузданная, буйная, да едва ли и трезвая. Ибо что она дѣлала, того не льзя дѣлать человѣку, въ здоровомъ состояніи находящемуся. Но придетъ конецъ этому привольному житью!—Уже на Сѣверѣ Россіи закладывается новой порядокъ; уже зародились *Московскіе государи*, и различныя небесныя знаменія и волхвованія, подобно авгуріямъ римскаго Августа, предрекаютъ имъ будущую славную судьбу: и тогда горе прежней вольницѣ!

И такъ мы укрѣпили точку созерцанія, съ которой смотритъ г. Чичеринъ на Россію, отыскали завѣтную *призму*, сквозь которую онъ пропускаетъ всѣ историческія событія.

Теперь подвергнемъ этотъ важный въ Исторіи Русской моментъ критическому анализу. Напередъ надобно замѣтить, что философія Гегеля уже окончила свой курсъ въ Германіи; кратковременное, но шумное ея существованіе прекратилось. Теперь выходитъ на сцену—соціализмъ, матеріализмъ, пролетаріатъ, съ своими колонновожатыми. Настоящій вѣкъ вовсе не сочувствуетъ діалектическимъ операціямъ Гегеля: онъ ищетъ живыхъ, непосредственныхъ, матеріальныхъ и соціальныхъ интересовъ. Одни мы остаемся запоздалыми воспріемниками гегеліанскаго исповѣданія. Таковъ уже, видно, нашъ удѣлъ во всемъ; пришедши поздно на чреду всемірно-историческаго движенія, мы должны принимать отъ передовыхъ европейскихъ дѣятелей то, что имъ не нужно, и всегда состоять къ нимъ въ какомъ-то вассальномъ подчиненіи. *Формы*, которыя начертаны для человѣческой исторіи великою рукою нѣмецкаго художника, оказались не дѣйствительными: человѣчество, вопреки уставу Гегеля, идетъ своею чередою, и изъ своихъ народныхъ, мѣстныхъ элементовъ каждый народъ развиваетъ свой общественный и частный бытъ. Въ свое время даровитый *Гансъ* сдѣлалъ было блестящее приложеніе гегелевой философіи ко всемірной исторіи человѣчества (*); но оно признано недостойнымъ наукп и всѣми единогласно отвергнуто. Въ

(*) См. Erb-Recht, in weltgeschichtlicher Entwickelung. Berlin, 1824. 4 тома.

дальнѣйшемъ продолженіи своего литературнаго труда (IV томъ 1835 г.) вѣроломный ученикъ, ясно сознавая несостоятельность гегеліанскихъ началъ, пошелъ уже путемъ обыкновенныхъ историческихъ изслѣдованій, и этотъ трудъ его имѣетъ свое значеніе въ наукѣ.

Особенно эта несостоятельность оказалась во второмъ моментѣ— *гражданскомъ обществѣ*. Еще при жизни старика Гегеля, этотъ моментъ не отысканъ былъ въ исторіи человѣческихъ обществъ, и при томъ самыми усердными и трудолюбивыми нѣмецкими учеными. А всему свѣту извѣстно, что Нѣмцы великіе художники въ отысканіи всякаго рода моментовъ; отъ ихъ тонкаго взора не ускользнетъ ни одинъ духовный моментъ, совершающійся въ мозговомъ, самомъ раздраженномъ, дѣятельномъ механизмѣ. Другое замѣчаніе позволю себѣ сдѣлать относительно философіи Гегеля и приложенія ея къ исторіи. Моменты гегеліанскіе болѣе *логическіе*, нежели *историческіе*. Такимъ образомъ, и при существованіи государства можетъ быть одинъ моментъ безъ другаго; на примѣръ, государство, какъ *семья*, или, какъ *гражданское общество*. Но тогда откроется странное состояніе, и даже противорѣчіе, особенно въ третьемъ моментѣ. Наши историки принимаютъ гегелевскіе моменты *чисто историческими*, въ чемъ заключается великая ошибка. И въ самомъ дѣлѣ, подчинить всю исторію народа тремъ періодамъ, *семейству, гражданскому обществу* и *государству*, каждому періоду дать опредѣленный, неизмѣнный характеръ, выводить по очереди то одну, то другую форму, не значитъ ли уничтожить личное, самобытное свойство человѣческой дѣятельности, отвергнуть различныя народности и разумную ихъ исторію, и признать въ Исторіи вообще владычество судьбы, роковыхъ уставовъ, какого-то мертваго, абсолютнаго разума, проповѣдывающаго слѣдующій законъ: *Alles, was geschichtlich ist, ist vernünftig*. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, эти формы непреложны и вездѣ должны повторяться въ роковой чередѣ? Что же будетъ съ тѣмъ народомъ, у котораго нечаянно не отыщется какой либо гегеліанскій моментъ, или, что еще ужаснѣе, какимъ-нибудь случаемъ, забѣжитъ въ его исторію четвертый, пятый моментъ? Отвѣтъ на эти вопросы готовъ въ философіи: такіе народы или состоятъ въ неполномъ историческомъ развитіи, ожидая своей поры вступленія въ новый періодъ, или, если у нихъ замѣчаются другіе, новые моменты, что едва ли и мыслимо по философіи, то

они представляютъ историческую аномалію. Къ такой-то аномаліи отнесъ великій нѣмецкій распорядитель судебъ человѣческихъ и нашъ *славянскій міръ*, не назначивъ ему никакого мѣста, никакого опредѣленнаго значенія во всемірной исторіи человѣчества. Богъ знаетъ, за какія провинности наши, онъ не далъ намъ никакой доли при общемъ дѣлежѣ. А мы, по свойственному намъ незлобію, сами себя ставимъ въ ряды міровыхъ дѣятелей, насильно вдвигаемся въ его узкія рамки и самовольно подчиняемъ себя тремъ преемственнымъ моментамъ. Не мѣшало бы иногда имѣть намъ и чувство оскорбленной личности. Если уже вычеркнуты мы изъ плана нѣмецкаго мірозданія, такъ будемъ жить сами по себѣ, по Божію благословенію и молитвамъ отцевъ нашихъ, не прося съ умилительнымъ униженіемъ о включеніи насъ въ этотъ планъ. Но я не могу отстать отъ гегеліанскихъ моментовъ, чтобы еще въ послѣдній разъ не испытать надъ ними критическаго анализа въ исторіи народа, изученіе котораго составляетъ мое ученое призваніе. Я говорю объ *исторіи Рима*. Вотъ народъ, давно сошедшій съ чреды историческаго бытія, окончившій свое міровое дѣло, совершившій весь кругъ дѣятельности, предназначенный ему свыше. Исторію его мы привыкли раздѣлять на 3 періода: *царство*, *республику* и *имперію*. Спрашивается: какъ относятся эти историческіе періоды къ философическимъ? По системѣ Гегелевой, *царство* должно выражать первый моментъ—семейство, *республика*—гражданское общество, *имперія*—государство. Но въ такомъ случаѣ, лучше вовсе не знать и не изучать римской исторіи, нежели подвергать ее такому уродливому, узкому пониманію.

III.

Въ сочиненіи принята точка отправленія отъ настоящаго времени къ прошедшему; она неудобна для историческихъ изслѣдованій и наукою не признана.

Точка отправленія (нѣмецкій штандпунктъ), съ которой авторъ нашъ смотритъ на прошедшій русскій бытъ, укрѣплена не на томъ мѣстѣ, гдѣ происходитъ историческая драма, но передвинута далеко впередъ, именно въ третій моментъ гегеліанскаго бытія, въ эпоху *государства Россійскаго*. Правда, г. Чичеринъ не выдвинулъ наружу этого момента, сокрылся въ государствѣ Московскомъ, какъ въ засадѣ;

но пребываніе его здѣсь слишкомъ живо ощущается. При изученіи исторіи человѣческаго общества по гегеліанскимъ началамъ, совершается въ умѣ нашемъ какой-то странный процессъ, необыкновенный порядокъ: надобно идти отъ высшаго момента къ низшему, а не наоборотъ, какъ показываетъ самая жизнь. Иначе ничего не поймешь. Чтобы постигнуть *семейство*, во всѣхъ фазахъ историческаго его бытія, надобно напередъ ознакомиться съ *гражданскимъ обществомъ*: ибо тогда только, чрезъ логическое противоположеніе, обозначится положительная сторона семейнаго быта. А пониманіе *втораго момента* невозможно безъ предварительнаго и глубокаго изученія третьяго момента—*государства*. И такъ открывается предъ нами извѣстная точка отправленія — отъ *настоящаго времени къ прошедшему*, такъ часто употребляемая въ новыхъ историческихъ изслѣдованіяхъ. Нашъ молодой ученый укрѣпился въ Московскомъ Государствѣ, сроднился съ его порядкомъ и учрежденіями, всей душей убѣжденъ въ превосходствѣ его предъ старымъ временемъ, что и справедливо. Съ этими готовыми, опредѣленными, условными признаками новаго, настоящаго государства обращается онъ къ прошедшему быту и задаетъ ему множество вопросовъ, которыхъ предки наши никогда и не слыхали, говоритъ съ ними такимъ языкомъ, который имъ вовсе неизвѣстенъ, требуетъ отъ нихъ того, чего они не въ силахъ были сдѣлать, и вотъ началось *инквизиціонное слѣдствіе*. Напередъ уже можно угадать, чѣмъ оно кончится,—совершеннымъ обличеніемъ стараго порядка, собственнымъ, но безмолвнымъ признаніемъ старыхъ людей въ виновности противъ новаго порядка, и слѣдовательно въ праведномъ ихъ осужденіи. Но таковъ ли долженъ быть судъ человѣческій? Неужели и наукѣ доступны страсти и личныя отношенія? Гдѣ же *маштабъ вмѣняемости*—основа всякаго суда? Есть два метода, два порядка въ историческихъ изслѣдованіяхъ: или исходятъ отъ *настоящаго времени къ прошедшему*, или отъ *прошедшаго восходятъ къ настоящему*. Въ томъ и другомъ порядкѣ есть существенная *методическая* неправильность, а отъ неправильности метода происходитъ неправильность самаго взгляда. Ни прошедшее, ни настоящее не могутъ служить такою почвою, гдѣ бы мы должны утвердить нашъ наблюдательный снарядъ, и откуда направлять его на искомый предметъ. Здѣсь мы должны обратиться за урокомъ къ наукамъ естественнымъ. Посмотрите, гдѣ ставитъ свой инструментъ естествоиспытатель? Тамъ, гдѣ лежитъ предметъ

наблюденія, непосредственно подлѣ него, только въ противоположности. Одни *астрономическія* наблюденія составляютъ исключеніе изъ этого общаго методическаго правила, но и то только по невозможности утвердить *рефракторъ* въ воздушной атмосферѣ.

Если мы будемъ смотрѣть на исторію Россіи и ея юридическихъ институтовъ съ точки, поставленной въ какомъ либо прошедшемъ времени (на пр. на выпуклыхъ пунктахъ: *призваніи князей, введеніи Христіанской Религіи*, образованіи великихъ княженій, монгольскомъ игѣ, сверженіи онаго и зарожденіи Московскихъ Государей — собирателей), то, незамѣтно для насъ самихъ, мы свыкнемся съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ уставили нашъ умственный рефракторъ, полюбимъ окружающую его атмосферу, подчинимся вліянію существующаго тогда быта, и это уже сковавшееся въ нашемъ умѣ предубѣжденіе, предрасположеніе къ прошедшему, занесемъ невольно въ область нашихъ изслѣдованій относительно новаго времени. Намъ не понравится въ немъ многое, и въ этомъ грустномъ настроеніи духа мы будемъ обращаться отъ настоящихъ моментовъ къ прошедшимъ вѣкамъ и искать въ нихъ для себя успокоенія, отрады сердечной. Бѣдное, жалкое, отчаянное средство, но весьма употребительное въ наукѣ и жизни! Стараго порядка вещей возвратить нельзя: *древняя мимоидоша*. Мало этого: восходя отъ прошедшаго къ настоящему, конечно, мы будемъ разсматривать исторію народа, какъ живой организмъ, который состоитъ въ непрерывномъ развитіи, въ *прогрессѣ*; но дѣло въ томъ, что за этимъ прогрессомъ надобно непремѣнно слѣдить, а для этого нужно передвигать нашъ снарядъ съ одного мѣста на другое. Иначе предметъ слишкомъ далеко отойдетъ отъ наблюдательнаго глаза и наконецъ совсѣмъ изчезнетъ, или представится намъ въ другомъ видѣ, какъ другой предметъ. Далѣе, историческій народный прогрессъ совершается какимъ-то таинственнымъ образомъ. Переходя отъ одного состоянія въ другое, эти органическіе *возрасты* не имѣютъ никакихъ видимыхъ моментовъ, не обозначаются никакимъ торжественнымъ актомъ. Кто изъ насъ, слѣдя за развитіемъ своей собственной личности, можетъ припомнить свой выходъ изъ младенчества въ отроческій возрастъ, изъ отрочества въ мужескій возрастъ? И старецъ, видимо приближающійся къ роковой могилѣ, едва ли ясно сознаетъ свое временное положеніе. И такъ естественно, что мы, укрѣпившись на извѣстномъ пунктѣ и не легко подвигаясь впередъ, не увидимъ многихъ сторонъ, кото-

рыми обозначается обновленіе человѣческаго общества, и наконецъ остановимся въ недоумѣніи только на такихъ моментахъ, которые слишкомъ поражаютъ насъ своею яркою, внезапною новостію.

Г. Чичеринъ построилъ свою *обсерваторію* на новыхъ временахъ, на почвѣ Московскаго Государства, и притомъ на самомъ возвышенномъ, рѣзко выдающемся впередъ пунктѣ, на *государствѣ Петра Великаго*. Надобно сознаться, что мѣсто выбрано боевое, но удобное болѣе для астрономическихъ наблюденій, а не для низменной русской земли, гдѣ разыгрывались историческіе акты. Съ такой высоты все прошедшее покажется мелкимъ, маловажнымъ, ничтожнымъ, а многое и совсѣмъ будетъ не замѣчено, особенно внутреннее отношеніе причинъ къ дѣйствіямъ (historicus nexus causalis). Предъ величественнымъ, типическимъ ликомъ Петра I долженъ благоговѣть каждый русскій человѣкъ. Эту дань ему платятъ и иностранные народы. Но мы говоримъ здѣсь только объ *методѣ*. Нельзя правильно наблюдать за историческими явленіями, нисходя отъ *настоящаго къ прошедшему*. При такомъ положеніи, мы непремѣнно подчинимъ исторію прошедшихъ вѣковъ извѣстному опредѣленному времени, будемъ смотрѣть на нее, какъ на *средство къ цѣли*, и тѣмъ лишимъ ее самобытнаго, своеобразнаго и свободноличнаго существованія, на что имѣетъ право всякій вѣкъ, всякій возрастъ. Г. Чичеринъ измѣряетъ старую Русь, ширину ея, длину и цѣнность *маштабомъ* новымъ, *Петровскимъ*: тутъ явно окажется въ ней недочетъ. Объяснимся примѣромъ. Если бы мы на возрасты человѣческой жизни стали смотрѣть, подчиняя одинъ другому, и отъ мужскаго возраста, полной формы человѣческаго развитія, стали смотрѣть на дѣтство, младенчество, тогда эти младшіе возрасты потеряли бы въ глазахъ нашихъ всю прелесть, всю очаровательную, органическую форму, имѣющую опредѣленное, физіологическое свое содержаніе. И такъ надобно размежевать возрасты и на каждый смотрѣть, какъ на самобытное, отдѣльное, физіологическое явленіе, какъ будто на гегеліанскій *моментъ*: тогда откроется вся полнота этого живаго организма съ своими многообразными, цвѣтущими вѣтвями, въ стройномъ, почти логическомъ соотношеніи причинъ къ дѣйствіямъ. Мы полюбимъ всѣ возрасты, не давая такъ называемаго *предпочтенія* одному передъ другимъ; впрочемъ и до сихъ поръ еще не рѣшено, какой возрастъ лучше. *Цицеронъ* любилъ старость, *Карамзинъ* полную зрѣлость, а *женщина* всегда воспоминаетъ съ грустью

о прошедшей дѣвственной порѣ. Значитъ, это дѣло вкуса, а о вкусахъ не спорятъ. Въ природѣ все хорошо: лишняго, случайнаго нѣтъ. Такой же порядокъ мы должны соблюдать и въ нашихъ политическихъ изслѣдованіяхъ.

Общество человѣческое есть величайшій организмъ; развитію его назначены возрасты; каждому возрасту приходитъ своя чреда. Но во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ этотъ организмъ имѣетъ свое нравственно – человѣческое достоинство, свой божественный образъ, который нигдѣ и никогда не утрачивается. Одна близорукость наша виновна въ томъ, что мы иногда не можемъ его отыскать. Но мы незамѣтно уклонились отъ нашего предмета. Государство Московское, безъ сомнѣнія, есть великій, разумный моментъ въ исторіи нашего отечества, но не послѣдній: правда, судьбы народовъ неисповѣдимы, но да позволено будетъ намъ, дерзновеннымъ грѣшникамъ, чаять дальнѣйшаго продолженія жизни любезнѣйшаго нашего отечества, и напутствовать его на трудный подвигъ самыми теплыми, священными молитвами. Едва ли такое желаніе можно назвать грѣшнымъ: напутствуемъ же мы всякаго собрата, отходящаго въ дальній путь, пожеланіями ему отъ всей души долгой жизни, *добраго здоровья* и *всякаго благополучія*. И такъ, если государство русское временъ Петра I составляетъ только переходный моментъ, то нельзя считать признаки его историческаго бытія какими-то непреложными, вѣчными, безусловными уставами, и по нимъ измѣрять относительное значеніе старыхъ временъ. А г. Чичеринъ постоянно придерживается этого маштаба. Естественно, въ сравненіи съ такимъ гигантскимъ возрастомъ, до котораго впрочемъ Русь дошла не органическимъ путемъ, не собственною теплотою, а какими-то искусственными, заморскими средствами, предшествующіе возрасты покажутся намъ мелки, уродливы, государственныя учрежденія недостаточны, лица блѣдны, событія безсмысленны. Какъ при первомъ методѣ созерцанія—*отъ прошедшаго къ настоящему*—предметъ наблюденія постоянно отдаляется отъ нашего глаза, получаетъ какія-то новыя формы, свободныя движенія, и наконецъ преобразуется въ такое явленіе, которое уже вовсе неизвѣстно наблюдателю внѣ его разумѣнія: такъ, при второмъ методѣ наоборотъ, прошедшія времена слишкомъ близко придвинуты къ настоящему, стоятъ на низменности, надъ которой владычествуетъ необъятная высота, и чрезъ это теряютъ естественную свою величину. Они подчинены началу, внѣ

ихъ находящемуся, служатъ простыми, роковыми орудіями для исполненія другихъ высшихъ цѣлей; одно время работаетъ для другаго. У насъ вся вѣковая исторія работала для одного славнаго властелина—Петра Великаго. У ней нѣтъ другой идеи, другой цѣли, другаго разумнаго значенія, кромѣ означеннаго. «*Вообще до мысли древняя Россія не доросла, да и не было ей мѣста въ исключительно-національномъ развитіи*» (1). Вотъ какимъ выводомъ оканчиваетъ г. Чичеринъ всю многознаменательную дѣятельность Россіи въ продолженіи тысящелѣтія! У ней не было и *мысли*. И такъ вся русская нація заключена въ какую-то ужасную кабалу, содержится въ неволѣ и выводится на житейскую мастность, получая опредѣленные, рѣзко отмежеванные уроки. Смѣю спросить, кто этотъ раздаятель уроковъ? И почему онъ сводитъ съ поля дѣятельности цѣлыя массы русскаго народонаселенія, какъ скоро онѣ окончатъ свой урокъ. У нихъ остались еще силы, которыя можно бы было, по экономическимъ разсчетамъ, употребить на другія работы. А Государи русскіе были великіе собиратели, домостроительные хозяева. Я признаюсь, не понимаю такого хозяйства.

Признавая за Московскимъ государствомъ неотъемлемое превосходство, г. Чичеринъ не отдалъ должной справедливости нашимъ предкамъ и заклеймилъ ихъ такимъ пятномъ, котораго они не заслужили. Къ новому порядку они еще не привыкли, да признаться надобно, онъ еще въ то время и не сложился. Быть можетъ, если бы старики наши увидали новое государственное хозяйство въ полномъ его составѣ, во всемъ его ходу, то охотно подчинились бы уставамъ Московскаго домохозяина и не стали бы съ какимъ-то ожесточеннымъ упорствомъ противодѣйствовать ему: у нихъ нельзя отнять политическаго смысла. Но они съ давнихъ поръ жили въ старомъ дому и имъ тутъ было привольно и тепло; домъ этотъ не былъ *разсыпанною храминою*, какъ выражается г. Чичеринъ, но твердымъ, національнымъ, отъ времени въ гранитъ сковавшимся зданіемъ, которое сообразно было со всѣми ихъ историческими положеніями, со всѣми удобствами. Нужно было выдвинуть ужасныя, стѣнопробойныя орудія, чтобы потрясти только это зданіе; а когда оно стало наконецъ разсыпаться, общій удѣлъ всякому человѣческому дѣлу, то обломки его разнеслись по всей землѣ русской, и тогда разорителямъ задана новая египетская работа—*собирать разсыпанную храмину въ единое стройное цѣлое.*

(1) См. Рѣчь г. Чичерина въ Москов. Вѣдомостяхъ, № 154, 1856 г.

Вотъ новое міровое значеніе Московскихъ государей - собирателей! И вотъ что отстаивали наши предки съ такою геройскою силою, нравственною и физическою! Надобно, господа историки, признать нравственное и политическое достоинство въ этой роковой борьбѣ двухъ міровъ, двухъ стихій, двухъ началъ, двойнаго русскаго человѣчества, стараго и новаго. И во врагѣ иноплеменномъ мы уважаемъ доблесть; а здѣсь борются наши родственники, отцы наши. Выставленныя *знамёна*, во имя которыхъ собираются отвсюду русскія *ополченія* и раздѣляются на двѣ воюющія арміи, имѣютъ смыслъ русскій, мѣстный, временный, условный, личный; это не *всеобщая*, разумная, непреложная *необходимость* (absolute Nothwendigkeit), но наша, частная, русская судьба; исходъ борьбы—наше дѣло.

Мы не судимъ объ исторіи человѣчества, не произносимъ уголовнаго суда надъ его событіями: судьбы народовъ опредѣляются Божественнымъ Провидѣніемъ: Weltgeschichte ist Weltgericht, сказалъ Гегель. Но не можемъ отвергать присутствія личнаго элемента въ розыгрышѣ міровыхъ явленій, не можемъ не допустить въ извѣстной мѣрѣ участія свободныхъ силъ человѣческихъ: иначе на исторіи государствъ будетъ лежать какой-то роковой, мрачный типъ, древнее fatum. Я хочу позволить себѣ нѣкоторую *историческую вольность*, подобно *поэтической* (licentia historica), при созерцаніи судебъ русскаго государства. Признаки новаго государства, которыми г. авторъ опредѣляетъ цѣнность стараго, или вѣрнѣе, вовсе ее отвергаетъ, слѣдующіе: 1) централизація земель, властей, законовъ, правъ; 2) точка тяготѣнія, сборное мѣсто — Москва; 3) укрѣпленіе бродящаго народонаселенія по мѣстамъ, землямъ, городамъ, общинамъ; 4) обложеніе всего народа повинностями и государственными службами; 5) уничтоженіе мѣсныхъ правъ, привиллегій, судовъ, и всякихъ политическихъ и географическихъ различій; 6) сліяніе всѣхъ разрозненныхъ стихій въ единое, общее, Московское Государство, въ имени и лицѣ одного государя; *чтобы вездѣ было все его Великаго Государя государство* (1). Кто станетъ оспоривать эту величайшую, историческую истину? Во имя оной борьба была священна, а успѣхъ благословленъ Провидѣніемъ. При единодержавіи Россія вступила въ новый возрастъ и безпрепятственно развивается во всѣхъ сторонахъ своей жизни, не сдерживаемая болѣе старыми элементами. Но, по вольности поэтической, перенесемся на минуту въ область полити-

(1) Смотр. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича.

ческихъ мечтаній, и представимъ себѣ другую картину происшествій, другой исходъ событій. И чтобы это видѣніе имѣло какую нибудь тѣлесную, осязательную форму и приблизилось бы къ пониманію, начнемъ съ дѣйствительнаго міра, весьма похожаго на нашъ русскій. *Въ 664 году*, по римской языческой хронологіи, произошла такъ называемая *союзническая война* (bellum sociale). Всѣ италійскіе народы, состоящіе въ вассальномъ отношеніи къ Риму (fœdus inæquum), вздумали вдругъ отложиться отъ своего грознаго владыки, составили изъ всей Италіи огромнѣйшій союзъ, ввели новую, представительную систему, въ которой было мѣсто всѣмъ муниципіямъ, опредѣлили центръ политической дѣятельности—городъ Корфиніумъ, назначили властей, 4 консуловъ, 16 преторовъ, и т. д. Все обдумали, во всемъ предварительно согласились, получили торжественное благословеніе боговъ, принесли имъ всеобщую жертву и дружно всѣ принялись за оружіе. Мы знаемъ напередъ печальный исходъ этого событія. *Юпитеръ* громовержецъ особенно благоволилъ одному Риму, а къ другимъ народамъ былъ гнѣвенъ. Онъ научилъ римскій сенатъ приступить къ мировой сдѣлкѣ съ воюющею Италіею, подарить ей такъ лестное и издавна искомое *гражданство римское*, уничтожить всякое различіе между Римомъ и Италіею, и составить такимъ образомъ одну величайшую, тяжеловѣсную республику. Такъ и сдѣлано. Но не научилъ его, не знаемъ по какому разсчету, перемѣнѣ городовыхъ формъ, уже узкихъ для новаго объема государства римскаго. И вотъ здѣсь-то заключается тайна паденія Рима и гибель всей Италіи. Языческіе боги лукавы, какъ люди! Еслибы состоялся этотъ планъ, начертанный человѣческою рукою, придуманный человѣческимъ разумомъ, но ни мало не уступающимъ Юпитерову, тогда бы спасена была республика Римская, и въ обновленной формѣ вступила бы въ новую, свѣтлую, живую чреду своего историческаго бытія. На поверхности ея еще долго, очень долго не показались бы эти мрачныя, грозныя личности, которыхъ такъ много въ римской послѣдующей исторіи. Перенесемся теперь къ судьбамъ нашего отечества: вѣрнымъ его сынамъ позволительны мечтанія. Еслибы древняя Россія, разложившаяся на отдѣльныя территоріальныя княженія, съ особыми территоріальными владѣльцами, соединилась въ одинъ общій союзъ, не уничтожаясь въ своей политической особности, тогда бы весь гражданскій и государственный порядокъ пришелся въ мѣру, и вовсе не нужно бы было его разру-

шать. Изъ тридцати, сорока территорій, каждая пошире какого нибудь нѣмецкаго царства, составился бы небывалый, величайшій въ мірѣ, *Русскій союзъ*, укрѣпленный единствомъ Православія, языка, одноплеменности, нравовъ, обычаевъ, всѣхъ учрежденій, политическихъ и гражданскихъ. Къ этому союзу примкнули бы наши славянскіе *отщепенцы*, по силѣ физіологическаго тяготѣнія. И тогда горе Западу!

Но я въ самомъ дѣлѣ уже замечтался, а это не подобаетъ историку-юристу. Всѣ эти уклоненія я сдѣлалъ для того, чтобы доказать, что историческія формы условны, и что одно время не должно быть измѣряемо другимъ, особенно старый порядокъ новымъ.

IV.

Г. ЧИЧЕРИНЪ ПОСТАВИЛЪ СЕБЯ КЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ ВЪ ОТРИЦАТЕЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНІЕ: ОТРИЦАНІЕ ЕСТЬ ЛОГИЧЕСКАЯ ФОРМА МЫШЛЕНІЯ, А НЕ ЖИВАЯ ИСТОРІЯ НАРОДА, КОТОРАЯ ВСЕГДА СОСТОИТЪ ИЗЪ ПОЛОЖИТЕЛЬНАГО ЭЛЕМЕНТА.

Установивши точку созерцанія на старую Русь на почвѣ Московскаго Государства, г. Чичеринъ невольно, логически долженъ былъ стать въ *отрицательное положеніе* ко всей Русской исторіи. Какъ передовой стражъ, онъ стоитъ на боевой цѣпи московскаго лагеря и съ священною вѣрностію блюдетъ покой отдыхающаго молодаго государства. Онъ раскинулъ по всему протяженію цѣпи какую-то дивную занавѣсь, отдѣлившую старый міръ отъ новаго, дабы старики не могли усмотрѣть новаго порядка, новаго хозяйства государственнаго. А кто похвалиться можетъ совершенствомъ своимъ учрежденій? Изъ уставовъ новаго государства онъ составилъ какія-то скрижали—не 10, какъ было у Евреевъ, не 12, какъ у Римлянъ,—но безчисленное множество, гдѣ значатся новыя заповѣди. Заповѣди эти какъ-то странно начертаны:—и новому гражданину нельзя въ нихъ видѣть всѣхъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ государству, а старому—онѣ будутъ совершеннымъ обличительнымъ актомъ. Ибо въ нихъ значатся только тѣ юридическія отношенія, въ неисполненіи которыхъ виновны были предки наши; съ нихъ взыскивается то, чего они не знали. И вотъ начинаются *допросные пункты*. Ни на одинъ изъ нихъ они не могутъ отвѣтить, не могутъ уничтожить обличительныхъ словъ слѣдователя. Вызванные на страшный судъ новой исторіи, старики наши стоятъ въ безмолвіи, но въ такомъ величествен-

номъ, спокойномъ безмолвіи, которое ясно свидѣтельствуетъ объ ихъ нравственной невинности. Это не безмолвіе преступника, блѣднаго, обличаемаго и внутреннею совѣстію, и трепещущаго предъ приближающеюся карою. Но слѣдователь — сторонникъ Московскаго царя, и такъ отъ него нельзя ожидать неумытной справедливости. Если угодно, я представлю здѣсь извлеченіе изъ *обличительнаго акта*. Вотъ главные пункты обвиненія: «тягла вы не тянете, службы не несете, повинностей не отправляете, осѣдлости не знаете, по Божьей русской землѣ блуждаете, какъ какіе-нибудь Цыгане; вы—вольница бездомовая.» Это приговоръ одной сторонѣ древняго народонаселенія, низшему слою, народу. Но грознѣе, обличительнѣе приговоръ высшему сословію, стоящему во главѣ управленія, правительственнымъ властямъ. « Вы воры и мошенники, крамольники и измѣнники царскіе, вы незаконные владѣльцы верховныхъ правъ, принадлежащихъ единому Московскому государю, самовольные и продажные судіи и правители, радѣющіе только о своемъ собственномъ добрѣ, а не о государственныхъ и царскихъ пользахъ. Въ геенну васъ!» — И вотъ началась экзекуція.

Когда я читалъ и перечитывалъ сочиненіе г. Чичерина, то всегда выносилъ какое-то тяжелое впечатлѣніе, не смотря на живую форму очертаній историческихъ. Но когда эта мрачная, сложная картина стараго русскаго быта представлена была въ выпуклыхъ пунктахъ—въ *тезисахъ* — этомъ художественномъ фокусѣ, тогда я испытывалъ мучительное, безотрадное чувство: тридцать тезисовъ—всѣ отрицательнаго свойства ; одни въ формѣ грамматической, другіе въ формѣ логической—выражаютъ несостоятельность древней Руси. На горизонтѣ Русской Исторіи видишь однѣ тѣни густыя и сплошныя, идущія прямо отъ свѣтлаго центра—Москвы государевой и разстилающіяся по всей землѣ Русской. Кромѣ величавой, боговѣнчанной и превознесенной фигуры Царя, ничего нельзя разсмотрѣть, ни на чемъ нельзя съ радостію остановиться и отдохнуть отъ долгаго странствованія по пустынной и не безопасной для путника странѣ. Весь общественный организмъ пришелъ въ какой-то безпорядокъ и обозначается ужасными, разрушительными явленіями ; все сдвинулось съ мѣстъ своихъ и открылось всеобщее кочеваніе. Вездѣ грабежи, душегубства, крамолы, измѣны. По Русской землѣ разосланы *сыщики* — намѣстники и воеводы; чтобы силы ихъ при этомъ подвигѣ не истощились, множество преступленій отдано имъ въ полную

собственность—*чтобъ мощно было сыту быти*. Вездѣ произволъ «самосудъ», вездѣ поборы, притѣсненія. Какъ будто государство находится въ состояніи *необходимой обороны*, борется съ злѣйшимъ своимъ невидимымъ врагомъ — съ народомъ, предпринимаетъ отчаянныя средства, но ничто не помогаетъ: ни учрежденія, ни казни, ни совѣты. Наконецъ-то выясняется въ этомъ мрачномъ и хаотическомъ состояніи всего государства высокій, свѣтлый, типическій ликъ Петра Великаго; онъ отдѣляется отъ окружающей поверхности на необъятную высоту,—и въ этомъ восторженномъ, орлиномъ положеніи, задумываетъ новую думу и приводитъ ее въ исполненіе.

Я, какъ сторонникъ предковъ, адвокатъ въ этомъ уголовномъ процессѣ, беру дѣло на аппелляцію и переношу его въ высшую инстанцію—на судъ науки. При этомъ намѣренъ употребить и адвокатскія средства — возбужденіе драматическаго эффекта и сердечнаго сочувствія къ подсудимому народу. Господа судіи! Вспомните, что мы всѣ человѣки, слѣдовательно можемъ похвалиться однѣми немощами; старые люди имѣли другія понятія и другія убѣжденія, нежели мы; въ ихъ дѣйствіяхъ много было прекраснаго, благороднаго, христіанскаго; за провинности свои, которыхъ впрочемъ никакъ они не могутъ сознать, наказываются они два раза: въ свое время и теперь, а третьяго — послѣдняго суда имъ также не избѣгнуть. Далѣе, при слѣдственномъ розыскѣ не требовали отъ нихъ никакихъ объясненій, задавали имъ для отвѣта такіе вопросы, которыхъ они не понимали, и на одномъ молчаніи ихъ признали ихъ виновность;— это вопреки существенному условію процесса: *audiatur et altera pars*. Далѣе, въ опредѣленіи преступленія ихъ не видимъ никакого внутренняго маштаба вмѣняемости: взвѣшивается только внѣшнее дѣйствіе (corpus delicti), и притомъ по *закону*, который послѣ изданъ, и слѣдовательно не можетъ имѣть обратнаго дѣйствія. И въ явномъ, осужденномъ преступникѣ—оцѣнивается, по преимуществу, *психическая* его сторона; на нее наши литературные слѣдователи не обращаютъ никакого вниманія въ осужденіи стараго общества. Мало этого; припомните, господа, что подсудимые — наши кровные родственники, отцы наши, отъ которыхъ получили мы богатое наслѣдіе, и нравственное, и религіозное, и вещественное. Далѣе, по человѣческому и христіанскому чувству — *объ умершихъ* не такъ строго судятъ, какъ о живыхъ, стараются болѣе выставлять свѣтлыя стороны жизни, нежели темныя; — судъ науки есть также чело-

вѣческій судъ, совершающійся при орудіи личной мысли; только онъ имѣетъ дѣло по преимуществу съ идеями, понятіями, а не съ тѣлесными явленіями; литературное *поминаніе* непремѣнно должно имѣть религіозный, покойный, сердечный отливъ. Если всѣ эти — юридическія и неюридическія доказательства не убѣдительны для васъ, и не прелагаютъ гнѣвъ вашъ на милость, то я обращусь наконецъ къ послѣднему, отчаянному средству, къ *языческому міру*, и призову его въ свидѣтели. Послушаемъ, какъ судитъ *Цицеронъ* о плебейскомъ трибунатѣ — этомъ вулканическомъ, демагогическомъ органѣ, погубившемъ любимую имъ республику и вызвавшемъ на сцену политической исторіи *Марія* и *Цинну*, *Суллу* и *Помпея*, *Кесаря* и *Августа*; о другихъ крамольникахъ не говорю. А Цицеронъ, замѣчу мимоходомъ, былъ аристократическихъ убѣжденій и слѣдовательно не могъ сочуствовать демократическому институту. «*Я признаюсь, что въ этой самой власти* (трибунской) *есть что-то худое, несовершенное, но и добро, въ ней найденное, открытое, мы не могли бы получить безъ этого зла*» (1). Потомъ онъ восходитъ къ общему понятію о судѣ и по поводу трибуната произноситъ величайшую, достойную подражанія, истину: «*Недостатки трибуната ты весьма ясно видишь. Но во всякомъ обвинительномъ актѣ недостойно изчисленіе однихъ худыхъ дѣлъ, выборъ однихъ пороковъ, не упомянай о хорошихъ, свѣтлыхъ сторонахъ*» (2).

Мнѣ кажется, наши новые историки отчасти виноваты противъ Цицероновской заповѣди; впрочемъ я не обличитель ихъ ученой совѣсти: мое дѣло—защита бѣдныхъ стариковъ отъ несправедливыхъ нападеній молодаго поколѣнія. Иногда, при этомъ тяжеломъ процессѣ, мнѣ бываетъ грустно, а иногда становлюсь даже раздражительнымъ, и въ такомъ раздраженномъ состояніи, я припоминаю недавно высказанный афоризмъ: *новые русскіе историки сдѣлали изъ старой русской исторіи какой-то звѣринецъ, гдѣ показываются различной породы звѣри* (Русская Бесѣда II. Отдѣлъ критики, стр 71.).

А вся бѣда *отъ метода*: ибо я не постигаю, чтобы можно бы-

(1) Ego fateor, in ista ipsa potestate inesse quiddam mali; sed bonum, quod est quæstum in ea, sine isto malo non haberemus.

(2) Vitia quidem tribunatus præclare perspicis. Sed est iniqua in omni re accusanda, prætermissis bonis, malorum enumeratio, vitiorumque selectio. Cic. de Legg. III, 8—10.

ло имѣть какое-нибудь наслажденіе въ этомъ *демонскомъ* трудѣ, открытіи однѣхъ темныхъ сторонъ въ исторіи человѣчества. А наши историки, я знаю ихъ, съ благороднѣйшими намѣреніями, съ пламенною, отчасти даже рыцарскою любовію, приступаютъ къ литературнымъ изслѣдованіямъ историческихъ судебъ нашего отечества. Въ противоположномъ направленіи никто не можетъ ихъ заподозрить. Слѣдовательно не сердце, а разсудокъ въ заблужденіи. О, этотъ узкій, лукавый, продажный разсудокъ! Сколько зла отъ него въ жизни и литературѣ! Ему ничего не стоитъ бѣлое назвать чернымъ и черное бѣлымъ, и это доказать логически. Онъ дѣйствуетъ всегда искусственнымъ снарядомъ, *силлогизмами*, а строитъ ихъ, какъ вздумаетъ. Такъ, на пр. г. Чичерину, безспорно обладающему высшимъ діалектическимъ даромъ, вздумалось посмотрѣть на старый бытъ съ Петровскихъ высотъ и преломить его подъ извѣстнымъ угломъ, и вотъ онъ выдѣлываетъ силлогизмъ: « всякій человѣческій бытъ, не имѣющій видимыхъ, опредѣленныхъ признаковъ государства, установленнаго при Петрѣ I, есть недостаточный, негосударственный и достоинъ цѣлостнаго разрушенія и обличенія; а такъ какъ старая Русь діаметрально противоположна была этому государству, то она объявлена въ всѣхъ своихъ состояніяхъ ничтожною, чистымъ логическимъ отрицаніемъ положительнаго вѣка ». Кажется, я вѣрно подмѣтилъ скрытый процессъ мышленія, который происходилъ въ умѣ г. Чичерина.

И въ самомъ дѣлѣ, *положительныхъ* сторонъ въ жизни стараго государства вовсе не видно; а человѣкъ всегда живетъ положительно, не отрицательно, т. е., его жизнь слагается изъ извѣстныхъ вѣрованій, убѣжденій, обычаевъ, нравовъ, правилъ, законовъ, однимъ словомъ, имѣетъ свою *физіологію*. Даже у преступника есть своя положительная физіологія, по которой еще можно распознать въ немъ человѣческій образъ: преступленіе и въ отношеніи къ нему все таки составляетъ аномалію, а не норму; въ противномъ случаѣ надобно или исключить его, какъ дикаго звѣря, изъ общества людей, или объявить его сумасшедшимъ. И такъ надлежало бы выдвинуть на первый планъ *положительную сторону* Русской исторіи, показать свѣтлый типъ стараго вѣка, его вѣрованія, сердечныя движенія, общественныя и частныя дѣйствія, даже внѣшнюю его форму, въ которой также отражалась его физіологія. Въ исторіи государственныхъ областныхъ учрежденій, надлежало бы историку предста-

вить процессъ органическаго ихъ происхожденія, возрастанія, крѣпости и наконецъ дряхлости. Не съ неба же онѣ упали на Русскую землю и задавили весь народъ, а истекли изъ духа народнаго, изъ его потребностей, изъ общихъ и мѣстныхъ условій его быта; слѣдовательно въ свою пору эти учрежденія были органическія явленія, имѣли свою крѣпость, красоту, полноту, овальность. Иначе, Россія представляется какою-то плодородною женщиною, которая непрестанно, даже до истеченія законнаго срока, разрѣшается отъ бремени, но не человѣческими лицами, а уродами.

И какъ легко, сподручно для г. Чичерина было бы начертать подобную картину! Мы всѣ возрадовались бы радостію великою, встрѣтившись лицомъ къ лицу съ нашими предками и обмѣнявшись взаимно привѣтливою рѣчью,—и поблагодарили бы его отъ всей души за такое сердечное свиданіе, которое онъ намъ устроилъ. А теперь мы пробѣгаемъ эту картину, не останавливаясь нигдѣ по мрачности красокъ, да и художника вызываемъ на судъ и подвергаемъ неумолимой критикѣ, обвиняя его въ несоблюденіи главнаго закона искусствъ: распредѣленія предметовъ (*prospectus historicus*). На картинѣ историческаго характера однѣ тѣни; не видать ни лицъ, ни мѣстъ, ни происшествій: художники называютъ это существеннымъ недостаткомъ.

Намъ скажутъ въ оправданіе свое: *переходныя эпохи* въ исторіи человѣческихъ обществъ всегда имѣютъ темную форму, а г. Чичеринъ разсматриваетъ Россію именно въ моментѣ перехода отъ негосударственнаго состоянія въ государственное. Я согласенъ съ этимъ мнѣніемъ, но не совсѣмъ. Переходныя эпохи, какъ самое слово показываетъ, имѣютъ кратковременное существованіе, а не вѣковое; обыкновенно онѣ занимаютъ мѣсто на окраинахъ стараго быта, на границахъ его; правда, онѣ стоятъ въ отрицательномъ отношеніи къ положительному, теперь разрушенному быту, но не въ цѣлостномъ, иначе движеніе эпохи невозможно. Отрицаніе безъ положенія немыслимо и по логическимъ законамъ. Въ суммѣ человѣческихъ дѣяній, изъ коихъ слагается исторія народа въ данную эпоху, отрицательныя числа къ положительнымъ относятся, какъ меньшинство къ большинству, какъ 1 къ 20, или другой неопредѣленной величинѣ. А у насъ въ Россіи—переходная эпоха продолжалась 500, 600, 700, и даже болѣе лѣтъ, да едва ли она окончена и теперь. Куда идемъ мы и откуда, по какой дорогѣ и съ какими средствами? Кто намъ укажетъ путь надлежащій въ этой долинѣ, не обозначенной ника-

кимъ слѣдомъ человѣческимъ? Если бы кто нибудь со стороны посмотрѣлъ на насъ, бѣдныхъ путниковъ, совершающихъ такой странный переходъ, то едва ли оказалъ бы намъ какую-нибудь помощь, какое-нибудь сочувствіе.

Когда встрѣчается намъ *таборъ*, раскидывающій шатры свои, гдѣ привелось, то мы не останавливаемся на немъ съ нравственнымъ интересомъ и не указываемъ ему дороги ни въ Кіевъ, ни въ Іерусалимъ, что дѣлаемъ всякому благочестивому страннику. Слава Богу, что нашъ таборъ не проходилъ въ этомъ великолѣпномъ составѣ чрезъ чужія государства, особенно западныя, а кочевалъ по своимъ краямъ, не на глазахъ другихъ: въ противномъ случаѣ, наши западные сосѣди отыскали бы много комическаго въ этомъ ходу, и тѣмъ причинили бы нашему чувству величайшее огорченіе. Полагаю, намъ было тогда не до смѣху. И за какіе проступки осуждены мы на этотъ тяжелый переходъ? *Евреи*, за всѣ свои вѣроломства противъ Іеговы, наказаны были сорокалѣтнимъ странствованіемъ по пустынѣ и потомъ введены были въ *обѣтованную землю*, а мы, неизмѣнно православный народъ, до своей обѣтованной земли, до *государства*, должны были итти нѣсколько вѣковъ...

И всѣ эти бѣды, со всѣми ихъ драматическими и комическими обстановками, были не дѣйствительныя, а воображаемыя, *методическія*.

Методъ въ наукахъ историческихъ главная вещь, опять повторяю свою мысль. Отъ правильности его зависитъ вѣрность историческаго взгляда. Въ отрицательномъ воззрѣніи г. Чичерина заключается великій методическій недостатокъ. Чтобы доказать это положеніе убѣдительнѣйшимъ образомъ, мы сдѣлаемъ пробу на исторіи народа, просвѣтленной высшимъ сціентифическимъ пониманіемъ; я говорю объ *исторіи Римскаго государства*. Діалектическій снарядъ, которымъ такъ чудно дѣйствуетъ г. Чичеринъ и возвѣщаетъ намъ такія дивныя видѣнія въ Старой Руси, уставимъ на почвѣ *Римской Имперіи* и станемъ наблюдать надъ *Республикой*, выберемъ пунктъ самый возвышенный и отдаленный отъ республики, на пр. времена императора *Діоклитіана*. Римляне долго тосковали о своей республикѣ, долго удерживали отживающія ея формы, такъ что три вѣка, по Хр. лѣтосчисленію, имперія существовала подъ формами республиканскими; новымъ зодчимъ, строителемъ является императоръ Діоклитіанъ. Въ этомъ историческомъ значеніи его фигура

подобна нашему Петру Великому, но судьба ихъ безконечно различна. Посмотримъ, какія явленія откроетъ намъ рефракторъ.

Напередъ я долженъ сказать, что мы укрѣпляемъ нашъ наблюдательный инструментъ на мѣстѣ, слишкомъ неудобномъ для наблюденія. Но въ пробахъ всегда такъ поступаютъ; а мы испытываемъ только методъ.

Россія, съ императорскимъ самодержавіемъ, какъ бы съ своимъ священнымъ талисманомъ, выступила на новое, широкое, европейское поле дѣятельности, пришла въ мѣру возраста зрѣлаго, и свободно, органически развивается по всѣмъ направленіямъ, достигая ей назначеннаго свыше предопредѣленія. *Римъ* во время имперіи видимо дряхлѣетъ и быстро несется къ роковой своей могилѣ. Между *формами политическими* античнаго міра и новаго есть одно замѣчательное различіе. Формы Христіанскаго міра не имѣютъ механической опредѣленности, способны къ безпредѣльному органическому измѣненію, обновленію, и народы, живущіе подъ этими смѣняющимися формами, состоятъ въ живомъ прогрессѣ, укрѣпляются, возрастаютъ. Въ нихъ нѣтъ мѣры, вѣса, конечности, нѣтъ опредѣленнаго, какъ бы матеріальнаго содержанія, которое отъ времени могло бы совершенно истратиться, изчезнуть, а вмѣстѣ съ ними и народъ. Я не говорю о *протестантскихъ народахъ*; но посмотрите на исторію *католическихъ* государствъ, надъ которыми тяжелѣютъ какія-то типическія, весьма угловатыя формы, безъ сомнѣнія, античнаго происхожденія. Правда, скорыхъ обновленій здѣсь нельзя ожидать, по священной непреложности формъ; поэтому прогрессъ совершается здѣсь весьма медленно. Должна наконецъ произойти *секуляризація* во всемъ государственномъ и частномъ организмѣ, а это безъ революціи едва ли возможно. Но *Франція* совершила эту *кесарскую* операцію и вышла въ новую чреду историческаго бытія побѣдоносно и величественно. Мнѣ кажется, придетъ эпоха подобнаго обновленія и для Испаніи, Италіи и даже для самаго Папскаго государства. Признаки разложенія слишкомъ ярко отражаются на горизонтѣ этихъ земель. Другая физіологія античныхъ формъ: въ нихъ есть что-то конечное, вѣсомое, упругое, опредѣленное, при всемъ широкомъ и органическомъ ихъ развитіи; отъ долгаго употребленія въ жизни онѣ какъ будто совсѣмъ истрачиваются, съѣдаются народомъ и не способны къ воспроизведенію другихъ органическихъ формъ. Такимъ образомъ, народъ вмѣстѣ съ типическою формою—собственнымъ сво-

имъ произведеніемъ идетъ къ паденію, разлагается во всемъ своемъ составѣ и наконецъ вовсе изчезаетъ изъ семьи человѣчества. Такъ случилось съ греческимъ міромъ, тоже повторилось съ *римскимъ*. Римъ зналъ одну типическую форму, развивалъ ее до послѣднихъ предѣловъ, любовался ею, какъ единороднымъ и красивымъ своимъ дѣтищемъ, хранилъ ее, какъ священный завѣтъ, и потомъ, когда пришла роковая череда смѣны, онъ не понималъ окружающаго новаго быта, жилъ и думалъ по прежнему, и въ этомъ сладостномъ очарованіи умеръ. Этотъ свѣтлый типъ Рима — *Республика*. Другаго типа Римъ не могъ уже произвести. Такимъ образомъ *Имперія античная* (языческая) не есть самостоятельная, своеобразная форма; напротивъ—во всемъ своемъ составѣ, физіологическомъ и юридическомъ, она есть снимокъ съ республики, *копія*. Римскій Императоръ есть верховный чрезвычайный сановникъ (Magistratus extraordinarius); власть его исходила отъ народа, при посредствѣ Сената, и имѣла опредѣленное содержаніе (lex de imperio); свойство оной—свѣтское, юридическое, подвижное, выборное, наслѣдственное, — однимъ словомъ—чисто республиканская магистратура. Это не *Каноническій Государь*, какимъ былъ Византійскій и Римско-Германскій Императоръ, вышедшій изъ круга земныхъ, человѣческихъ отношеній, Боговѣнчанный и превознесенный, Помазанникъ Божій, внѣ человѣческаго суда.

Но копіи, при своемъ разнообразіи, не могутъ долго хранить типа; въ нихъ онъ сглаживается, обезображивается. Такимъ образомъ имперія первыхъ вѣковъ непрестанно уклоняется отъ своего республиканскаго типа, непрерывно разлагается, и вотъ на всей ея поверхности показываются мрачныя явленія. Это уже не переходная эпоха, какъ у новыхъ народовъ, но послѣдній болѣзненный моментъ историческаго бытія Рима. Пришла наконецъ кончина этому долголѣтнему, грозному старику. Уже небесныя знаменія возвѣстили о приближеніи смертнаго часа и зарожденіи другаго міра, но народъ языческій протолковалъ ихъ по своему. Первые, которые почуяли это, были *варвары*, давно стоящіе около военной цѣпи римской и ожидающіе смѣны владѣльца. Подобно гробовщикамъ, они дѣлаютъ позорный торгъ и уговариваются между собой, кому совершить погребальную церемонію надъ этимъ безроднымъ старикомъ и какъ раздѣлить его необъятныя имѣнія. По временамъ, они даже вторгаются за цѣпь, во дворъ великаго владыки, дабы освѣдомиться, живъ ли онъ. Но

вѣрные служители непрестанно разгоняютъ эту стаю зловѣщихъ птицъ, и на время отсрочиваютъ день его смерти. Да, въ этой кончинѣ, въ этой торговой сдѣлкѣ—есть высочайшій драматическій интересъ! На монументѣ Рима нельзя сдѣлать подобной надписи: *жилъ, жилъ, да и умеръ*, которая очень кстати идетъ ко многимъ народамъ и отдѣльнымъ лицамъ. На такой-то низменной, зыбучей, грязной почвѣ мы рѣшились утвердить нашъ наблюдательный инструментъ. Признаюсь, здѣсь я слишкомъ много уступилъ г. Чичерину, и вовсе не подумалъ о своихъ разсчетахъ. Но дѣло касается науки, гдѣ личные интересы не имѣютъ никакого мѣста.

Представимъ себя на мѣстѣ Римлянина, живущаго во времена Діоклитіана, раньше или позже, все для насъ равно, который свыкся всей душей съ тогдашнимъ порядкомъ, убѣжденъ въ превосходствѣ формы правленія, стоитъ высоко на лѣствицѣ гражданскаго чиноначалія, отличенъ императорскимъ довѣріемъ и пользуется всякимъ благополучіемъ. Въ этомъ обаятельномъ настроеніи, въ часы досуга, а Римляне литературой занимались всегда *ex otio*—онъ хочетъ провѣрить исторію своего государства, подвергнуть критическому взгляду республику, отъ которой хранилось еще магическое преданіе, и сравнить ее съ Имперіею. Въ его критическомъ актѣ—есть что-то недоброе для республики; но методъ не преломляетъ этихъ затаенныхъ думъ.

И такъ новый римскій гражданинъ, императорскій сторонникъ, съ свиткомъ въ рукахъ, въ которомъ начертанъ Уставъ новаго государства, приступаетъ къ критическому анализу республики, уставляетъ противъ нея свой искуственный снарядъ, и своему ученому кліенту (кліенты—отпущенники играютъ великую роль въ литературѣ Рима; безъ нихъ, кажется, она не имѣла бы такихъ блестящихъ формъ) повелѣваетъ наблюдать за такими явленіями, которыя составляютъ необходимое условіе Имперіи, жизненную ея силу и существо, то, что обозначено въ свиткѣ. И вотъ, изъ республики Римской поднимаются самые темные образы, уродливыя фигуры, сгущаясь все болѣе и болѣе, онѣ наконецъ воспринимаютъ одну цѣльную, но безобразную физіономію, видѣніемъ которой сердечно наслаждается наблюдатель. На первый разъ—читатель съ трудомъ повѣритъ, чтобы можно было изъ Римской республики сдѣлать чудовище, тогда какъ она была органическою, свѣжею формою всего народнаго быта. Но пусть вспомнитъ благосклонный читатель, что мы производимъ

надъ исторіею діалектическіе опыты, гдѣ можемъ хозяйничать съ неограниченнымъ произволомъ. По призванію моему, мнѣ бы не слѣдовало совершать такую тяжелую операцію надъ Римомъ; пусть рѣжетъ его, кто хочетъ; но ради стариковъ нашихъ, которыхъ люблю до страсти, готовъ охотно подвергнуть на минуту свѣтлое лице республики уродливому оттиску. Мы преломимъ республику въ самыхъ яркихъ и существенныхъ явленіяхъ.

1. *Верховная Власть* принадлежала *народу* (Res populica—сокращенно Respublica). Въ благоустроенныхъ государствахъ бываетъ всегда одинъ народъ; а въ Римѣ три: *куріальный*, *центуріальный* и *трибутный*. Каждый народъ идетъ въ свои народныя собранія; а собранія сдѣлались наконецъ другъ отъ друга независимы. Изъ трехъ народовъ — самый неугомонный и буйный былъ *плебейскій* — по трибамъ; всѣхъ дѣяній его и разсказать нельзя: 500 лѣтъ безъ умолку онъ кричалъ на весь міръ, требовалъ всего и, все получивши, не успокоился, но предался демагогическимъ движеніямъ. Три раза, какъ цыганскій таборъ, онъ снимался съ мѣстъ своего жительства, и уходилъ на священную гору, съ намѣреніемъ основать здѣсь свое собственное государство. Едва-едва жрецы и сенаторы, выступившіе къ нимъ во всей религіозной церемоніи, уговорили ихъ возвратиться назадъ и подъ клятвою обѣщались ихъ никогда не притѣснять. Весь народъ римскій былъ настоящая вольница; *тягла* не тянетъ, и послѣ Македонскихъ войнъ, не платитъ ни поземельной, ни подушной подати, кромѣ ценса; до *государственной службы* чрезвычайный охотникъ: различными законами онъ добился до того, что всѣ почести, власти и управленія доступны, по выборамъ, всѣмъ и каждому, безъ различія. И такъ всякая дрянь (прости, Господи, мое согрѣшеніе!) могла засѣдать на курульныхъ креслахъ и управлять самодержавно цѣлымъ свѣтомъ. Мало этого: до римскаго разгульнаго народа никакая власть не можетъ дотронуться; тѣло римскаго гражданина, вслѣдствіе *Порціевыхъ* законовъ, объявлено неприкосновенными; а самъ народъ изрекаетъ уголовный судъ надъ всѣми земными властями и судитъ безъ всякаго милосердія. Особенно послѣ *Гортензіева* закона — трибутныя собранія сдѣлались чистымъ вулканомъ, откуда изверженія непрерывно падали на всѣ государственныя зданія и потрясли ихъ въ основаніи. А каковы были *пролетаріи* Римскіе, разросшіеся въ такомъ необычномъ количествѣ? Имъ все давали даромъ: и хлѣбъ, и соль; и ничѣмъ они не были довольны. Наконецъ

придумано правительствомъ перерѣзать одну часть, а другую разослать по дальнимъ колоніямъ, что и привело къ окончательному успокоенію.

2. Во главѣ управленія стояли *Сановники* (Magistratus); государи, Великіе князья Римской республики. Ихъ было не одинъ, и не два, какъ бы слѣдовало въ благоустроенномъ обществѣ, а 20, 30—цѣлый *Синклитъ*. Какъ они управляли государствомъ? И теперь, при прагматическомъ состояніи римской литературы, весьма затруднительно понять это дивное устройство республиканской машины. Гдѣ она заказана, кто ея мастеръ, какъ ее заводить, во сколько она силъ, когда надобно прибавлять, или убавлять ихъ,—все это осталось тайною, которая и умерла съ народомъ. Бойкіе Французы вздумали было приложить эту машину къ новымъ состояніямъ, которыя вслѣдствіе революціи пришли у нихъ въ безпорядокъ; но, увидавши, что она дѣйствуетъ чрезвычайно разрушительно для народа, и не безопасно для сосѣдей, принуждены были бросить ее окончательно. А по сей причинѣ она намъ не годится, и мы ее даромъ не возьмемъ. Но дивная была эта машина, какъ видно изъ славныхъ дѣйствій народа. Главное ея достоинство — *самокатъ*. По видимому, сановникамъ опредѣлены области управленія: консулы завѣдываютъ одними дѣлами; преторы другими, цензоры — своимъ многосложнымъ цензомъ, а плебейскіе трибуны сосредоточены въ своихъ трибахъ. Но области эти не размежеваны, и каждый, по праву *вмѣшательства* (jus intercedendi—veto) можетъ хозяйничать въ чужомъ министерствѣ. При каждой отдѣльной магистратурѣ приставлены по нѣскольку личныхъ органовъ—равныхъ одинъ другому и неограниченныхъ: консуловъ 2, цензоровъ 5, плебейскихъ трибуновъ 10. Для каждаго государственнаго дѣла требовалось, чтобы всѣ товарищи были единогласны; а всегда ли это возможно? Отсюда и выходило искусственное—странное для насъ, очередное управленіе, по днямъ, недѣлямъ и мѣсяцамъ: сегодня неограниченно владычествуетъ одинъ консулъ, а товарищъ отдыхаетъ дома, какъ частный человѣкъ (sine fasciBus), завтра другой, и такъ идетъ управленіе по очереди. Даже на войнѣ—въ одинъ день главнокомандующимъ одинъ консулъ, въ другой день—товарищъ его. Извѣстно всѣмъ личное отношеніе между Фабіемъ *Кунктаторомъ* (медлителемъ) и его товарищемъ во время Карѳагенской войны. Въ сонмѣ римскихъ властителей слишкомъ рельёфно выдаются двѣ фигуры: *плебейскихъ трибуновъ* и *цензоровъ*.

Плебейскій трибунъ—юридически говоря—и даже не сановникъ: у

него нѣтъ ни власти верховной (imperium), ни ликторовъ—вѣстниковъ той власти, онъ дѣйствуетъ посредствомъ *хожалыхъ* (Viatores); нѣтъ у него ни курульнаго кресла, ни пурпуровой тоги, чѣмъ отличался выходъ республиканскаго правителя на должность свою: ходилъ онъ, по нашему понятію, въ крестьянскомъ кафтанѣ, а должность свою исправлялъ стоя. И выбирался онъ въ эту должность, безъ всякой почти религіозной церемоніи, при малыхъ авспиціяхъ—*по цыпленку* (per pullum). Если приравнять его къ нашему русскому синклиту, то онъ будетъ походить болѣе на волостнаго, или, много сказать, градскаго главу, а не на министра. А между тѣмъ этотъ голова гражданскаго римскаго общества, по неприкосновенности своей особы (persona sacrosancta), отворяетъ дерзновенною рукой всѣ двери государства, входитъ въ сенатъ, центуріи, куріи, свои трибы,—и уничтожаетъ всѣ думы, всѣ планы правительства однимъ своимъ словомъ: Veto. Изъ дома своего, гдѣ онъ обитаетъ, сдѣлалъ онъ всеобщій притонъ (auxilium), куда стекаются всѣ челобитчики съ жалобами на несправедливости человѣческія и получаютъ немедленное удовлетвореніе. Домъ этотъ открытъ день и ночь, и не пользуется даже обыкновенною священною неприкосновенностію; изъ него онъ не можетъ удалиться на долгое время, на пр. на ночь. Этотъ плебейскій трибунъ могъ безнаказанно заковать и засадить въ темницу консуловъ, цензоровъ; противъ его власти нѣтъ никакой государственной силы: ибо онъ безотвѣтственъ, неподсуденъ и по сложеніи должности. Оставалось одно средство у сената — провозгласить его врагомъ отечества (Sacer esto)—и тогда всякой могъ его убить безнаказанно. Этимъ средствомъ сенатъ часто пользовался. Но это—не цѣлая физіономія его: пусть былъ бы одинъ плебейскій трибунъ въ Римѣ—съ такою необъятною властію: это мы могли бы понять, хотя не безъ труда. Но ихъ было 10 человѣкъ,—и всѣ вмѣстѣ, и порознь—съ одинаковыми правами, одинъ противодѣйствуя другому. Вотъ здѣсь заключается, въ самомъ дѣлѣ, непонятная тайна учрежденія.

4. Другую странную государственую фигуру представлятъ *цензоръ Римскій*. По внѣшнимъ признакамъ, у него не было вовсе никакой политической власти, нѣтъ ни ликторовъ, ни хожалыхъ, ни судилища; въ его домовой канцеляріи работали одни письмоводители, какъ въ какой нибудь *конторѣ купеческой*. Но какой безпредѣльный, деспотической размѣръ получила эта магистратура! Приблизительно, она отчасти походила на *Церковно-Вселенскую* власть, образовав-

шуюся въ Христіанской іерархіи, но съ особеннымъ, языческимъ, республиканскимъ отливомъ. По страшному своему, едва мыслимому могуществу, цензорская магистратура передаваема была только такимъ лицамъ, которыя прошли всю лѣствицу республиканскихъ чиновъ, которыя были уже консулами. Въ чемъ же заключалось это чудовищное могущество? Цензоръ Римскій есть воплощенная, личная кротость и благочестіе; это государственный *аскетъ;* онъ сидитъ по большей части дома; на его смиренномъ, отшельническомъ столѣ лежитъ списокъ всѣхъ римскихъ гражданъ, гдѣ значится имущество ихъ, семейство, возрастъ, полъ, званіе: значитъ, что-то въ родѣ нашихъ *метрическихъ книгъ* (tabulæ Censoriæ). Въ таблицахъ этихъ есть особая *графа*, къ которой онъ противъ каждаго гражданина дѣлаетъ свою *инспекторскую* отмѣтку, по крайнему своему разумѣнію, никому не давая въ томъ отчета (nota Censoria). Если онъ вздумаетъ противъ кого поставить значекъ, какой формы, неизвѣстно (macula),—это почиталось божіею карою, опалою. Выше этой кары ничего не было, да и не могло быть. Цензоръ отнялъ *честь* у гражданина, а безъ чести въ республикѣ жить нельзя. Вслѣдствіе такого клейма, происходитъ ужасное пораженіе всей величавой личности гражданина. Сенаторы выгоняются изъ сената, всадники снимаются съ кавалерійскаго коня, народъ теряетъ право голоса въ своихъ собраніяхъ и всякую надежду на выборы. Это выше, грознѣе политической смерти: ибо человѣкъ остается живъ и здоровъ, и въ томъ же обществѣ, но безъ всякой чести. Движенія цензорскаго самовластія безпримѣрны: его суду подлежитъ все, даже такія потаенныя сферы, куда уже политическая и вообще-человѣческая власть не проникаетъ; онъ судитъ семейственныя отношенія, родителей съ дѣтьми, мужа съ женой, опекуна съ малолѣтнымъ, проникаетъ даже въ господскую власть и охраняетъ безличнаго раба. Мало этого: онъ казнитъ человѣческія мысли, убѣжденія, религіозныя вѣрованія, не перешедшія въ дѣйствія; онъ слѣдитъ за нравами, не уклонились ли они отъ древняго, суроваго типа; разбираетъ человѣческую одежду, пищу, питье, образъ жизни домашней, не слишкомъ ли онѣ удобны, роскошны. Но всего объема этого института опредѣлить невозможно. Ни древній, ни новый міръ не могъ ничего подобнаго придумать, что хотя отчасти приближалось бы къ этому идеалу человѣческаго *деспотизма*. Вотъ какова была Римская республика, съ своимъ грозъ-

нымъ инспекторомъ; а мы съ именемъ ея привыкли соединять понятіе о какой-то вольной жизни!

5. *Сенатъ*. Предъ нами открывается Римская *боярская дума*, составленная изъ всѣхъ знаменитыхъ личностей, изъ всѣхъ неслужащихъ и служащихъ сановниковъ,—олицетворный умъ народа, воплощенная политическая идея, хранитель республиканскихъ учрежденій, верховный опекунъ народа. Когда вводили иностранныхъ пословъ въ эту думу, то предъ ихъ мутными глазами представлялся какой-то сонмъ царей—Олимпъ земныхъ боговъ-властителей. Но *Югурта*, имѣвшій съ нимъ позорныя сдѣлки по своему дѣлу, высказалъ другое мнѣніе, болѣе справедливое: *О! продажный городъ! Если бы я тебя зналъ немного пораньше....* И въ самомъ дѣлѣ—въ исторіи сената есть сторона, оскорбляющая глубоко всякое нравственное чувство. Сенатъ римскій былъ одинъ изъ величайшихъ крамольниковъ въ свѣтѣ. Онъ вѣчно клялся, и всегда былъ клятвопреступникъ. Сколько разъ онъ клялся—и какою страшною клятвою—всѣми римскими богами, не притѣснять бѣдныхъ плебеевъ, и всегда былъ первый *думникъ*; придумывающій имъ какую-нибудь бѣду. Онъ непрестанно ссоритъ республиканскихъ правителей, консуловъ съ трибунами, трибуновъ съ цензоромъ, непрестанно старается поколебать дружественное отношеніе между товарищами; при неудачѣ своихъ крамольныхъ замысловъ, онъ грозитъ имъ назначеніемъ военнаго неограниченнаго *диктатора*; а Римъ трепеталъ отъ одного имени диктатора. Ему поручена была, по благородному довѣрію народа, республика (salus Reipublicæ), какъ завѣтъ священный, хранящійся въ кивотѣ; а какъ онъ оправдалъ это довѣріе? Онъ продавалъ ее, какъ рыночный торговецъ, всякому покупателю, который предложитъ ему бо́льшую цѣну: сперва *Марію* и *Цинѣ*; потомъ *Суллѣ*, за нимъ *Помпею*; потомъ тріумвирамъ военнымъ, и оставшемуся изъ нихъ единоправителю *Кесарю*. Наконецъ — заключилъ онъ свои торговыя операціи однимъ безпримѣрнымъ актомъ: онъ подноситъ Августу, отъ имени народа, на золотыхъ блюдахъ, брилліантами усѣянныхъ, разложенныя отдѣльно, всѣ регаліи республики, всѣ верховныя права и титулы сановниковъ, и этотъ трагическій актъ, какъ бы для большаго эффекта, демонскою силою придуманнаго, раздѣляетъ на нѣсколько пріемовъ, по очереди совершая эту многосложную передачу.

6. *Сословіе Всадниковъ* (ordo Equestris). Изъ кавалерійской, благородной службы, которую несли всѣ аристократическіе, знатные

роды, образовалась какая-то чудовищная — *денежная аристократія*, воплощенная въ политическомъ сословіи. Составъ этого сословія чрезвычайно разнообразный; элементы враждебные, противоположные. Это были всемірные откупщики —мытари древніе, жиды, банкиры государственные, кредиторы несостоятельной республики. Они брали на откупъ у правительства всѣ подати, всѣ оброки, всѣ домены, всѣ финансовыя статьи, которыхъ у него было несмѣтное число. Римъ былъ великолѣпнѣйшимъ баріномъ, а боярство съ хозяйствомъ рѣдко уживаются, даже и въ наше время. Откупную сумму они должны были внести въ государственную казну заранѣе; а сборъ оной съ народа и провинцій совершали сами, посредствомъ прикащиковъ. Для такой непостижимой операціи они раздѣлялись на торговыя ватаги (Societates Publicanorum), и пользовались великими привиллегіями. Вообще *въ денежной аристократіи*, не смягченной никакими общественными условіями, ни знатностію происхожденія, ни личною доблестію, есть что-то тяжелое, оскорбительное для человѣческаго чувства, особенно для бѣднаго; не безъ причины же такъ озлоблены противъ нея западные соціалисты. Но эта тяжесть чувства увеличивается до безконечности, когда видишь обладателя, стяжавшаго себѣ земныя сокровища способомъ безчестнымъ—воровствомъ, разграбленіемъ народа, а таковы были въ Римѣ всадники. Общей ихъ физіономіи я не могу представить, по отвратительности картины и по уваженію въ читателѣ нравственнаго чувства. Скажу только одну мысль: въ Римѣ называли это сословіе *ненавистнѣйшимъ* (ordo invidiosissimus), а въ *Евангеліи—мытари* стоятъ рядомъ *съ грѣшниками*.

7. *Судъ*. Гражданскими дѣлами завѣдывалъ *преторъ*, а уголовными —народныя собранія, центуріи и трибы. Можете себѣ представить уродливую физіономію народнаго судилища: на Марсовомъ полѣ весь народъ Римскій раскидывается какимъ-то дивнымъ шатромъ, распредѣленный по сотнямъ, классамъ, трибамъ. Около замкнутой цѣпи классныхъ цензитныхъ гражданъ—стоитъ пестрая, оборванная, неисчислимая толпа людей: это римскіе *пролетаріи*, ничего не имѣвшіе, а слѣдовательно исключенные изъ ценса. Одинъ сборъ голосовъ продолжался по нѣскольку дней. Предъ это верховное судилище должны были предстать всѣ земные властители, какъ подсудимые; простый, частный гражданинъ, по отдаленности своего положенія отъ театра политическихъ дѣйствій, рѣдко могъ подвергаться это-

му суду, какъ видимъ мы изъ существа республиканскихъ уголовныхъ преступленій. Начинается публичный обвинительный процессъ, обставленный адвокатами, ораторами, всѣми драматическими принадлежностями. Но возможно ли здѣсь правильное движеніе суда? Ни физически, ни юридически, вовсе невозможно. А между тѣмъ здѣсь изрекается уголовная кара: смерть естественная и политическая, ссылка, лишеніе чести, конфискація имѣнія, денежные штрафы, а иногда осужденіе самой памяти преступника (damnatio memoriæ). У этого судилища нѣтъ *кодекса*, которымъ бы онъ руководствовался въ этомъ высокомъ и труднѣйшемъ дѣлѣ: народъ былъ самъ законодатель. Естественно, что произволъ, страсти, крамолы, демагогическія и аристократическія партіи, несправедливости должны быть неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого судилища: это была болѣе *неправда человѣческая*, облеченная въ форму суда, а не судъ, изрекающій правду (2).

8. *Отъѣзды*. На отъѣзды князей и бояръ Русскихъ мы смотримъ, какъ на безобразное, негосударственное явленіе въ нашей исторіи. Но оно вытекало съ послѣдовательностію изъ всѣхъ учрежденій тогдашняго быта: *вольному воля*. Но обратитесь къ Риму, вы увидите тамъ отъѣзды особеннаго свойства. Мало того, что всякій римскій гражданинъ состоитъ съ республикой въ какомъ-то свободномъ, личномъ, условномъ отношеніи, и можетъ изъ нея выходить, когда угодно. Но право на отъѣздъ имѣлъ даже *уголовный преступникъ*, злодѣй, измѣнникъ, грабитель государства. Когда онъ, по обвинительному публичному процессу, видитъ, что его виновность открыта, доказана, и достойна жестокаго наказанія: тогда онъ, не дижидаясь извѣстнаго ему приговора, объявляетъ предсѣдателю народнаго судилища (обыкновенно консулу), что ему въ этомъ государствѣ жить не угодно, а потому требуетъ отъ него паспорта на свободный отъѣздъ, да вѣроятно и казенныхъ прогоновъ. Это знаменитѣйшее въ древности *право убѣжища* (*Ius exulandi, asylus*). Значитъ, позволительно было дѣлать въ своемъ государствѣ всякое безчиніе и злодѣйство, повторять его въ другомъ государствѣ, и т. д., и все это совершать безнаказанно. Римъ въ договорахъ съ союзниками всегда опредѣлялъ и эту статью, взаимное право принятія и

(1) См. знаменитые уголовные процессы съ подсудимыми лицами. *Rein.* Criminal-Recht der Römer. Leipzig. 1844.

покровительства преступниковъ. Правда, и въ нѣкоторыхъ новыхъ государствахъ есть подобное правило; но оно предполагаетъ, со стороны преступника, тайный уходъ отъ мести государственной и относится только къ нѣкоторымъ преступленіямъ, которыя имѣютъ политическое, условное, измѣняемое свойство. Вѣроятно, знатные пришельцы въ Римѣ изъ чужихъ земель, на пр. *родъ Аппія Клавдія*, сдѣлали какое-нибудь преступленіе въ своемъ отечествѣ и укрылись отъ законной мести подъ покровительствомъ Рима.

9. *Управленіе областное.* Картина областнаго управленія въ Россіи, начертанная искусною рукою г. Чичерина, для эстетическаго наслажденія не совсѣмъ удобна: въ ней слишкомъ много рѣзкихъ и мрачныхъ фигуръ, да и въ обстановкѣ нѣтъ правильнаго размѣра. Намѣстники и воеводы, въ своихъ правительственныхъ движеніяхъ, не соблюдаютъ никакихъ законовъ, дѣйствуютъ по личному произволу, изъ государственной должности составляютъ какую-то доходную, оброчную статью, съ присоединеніемъ къ ней и другихъ незаконныхъ нарощеній. Но увеличивайте этотъ русскій типъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ воображенія, онъ все таки будетъ далекъ отъ дѣйствительнаго, нормальнаго состоянія, которое представляетъ намъ система *римскаго областнаго управленія*. Римская *провинція* была землею, отданною римскому проконсулу не въ *кормленіе*, а въ неограниченное распоряженіе, съ правомъ меча, не въ управленіе—политическое и хозяйственное, но въ совершенное разореніе. Такихъ всемірныхъ кормленщиковъ, каковы были Римляне, не возможно представить въ мысли, если бы не имѣли мы историческихъ свидѣтельствъ. При завоеваніи государства и приведеніи его въ провинціальное состояніе (forma regiminis, lex provincialis), въ Римѣ первенствующіе сановники—бывшіе консулы и преторы—дѣлаютъ торговую сдѣлку и мѣтаютъ жребій, кому она должна достаться въ годовое управленіе. Жребій выпалъ счастливцу. Съ великолѣпнымъ штабомъ, съ войсками, въ бо́льшемъ или меньшемъ количествѣ выводимыми, по различію проконсульской или пропреторской системы управленія, этотъ намѣстникъ верховнаго народа, налегаетъ на провинцію, какъ тяжесть, какъ сила роковая, какъ разрушительная стихія, и достаточно было одного года, даже съ нѣкоторымъ вычетомъ, чтобы поколебать всѣ основанія земли, разорить весь прежній бытъ, опалить, изсушить всю влагу природы физической и нравственной, разлить по всѣмъ проводникамъ человѣческаго обще-

ства вопль, уныніе, отчаяніе и безмятежную, тупую покорность. Обремененный въ Римѣ неоплатными долгами, этотъ банкротъ-проконсулъ въ одинъ годъ уплачиваетъ всѣ свои несчетные долги и привозитъ въ Римъ оставшіеся милліоны, для подкупа народа при новыхъ выборахъ, или при ожидаемомъ уголовномъ процессѣ.

Цицеронъ (1) сохранилъ намъ живый типъ римскаго правителя въ лицѣ *Верреса:* ему мало было обыкновенныхъ поборовъ съ богатѣйшей провинціи *Сициліи;* онъ обокралъ храмы, церковныя суммы, священные сосуды; онъ захватилъ, у кого могъ, лучшіе памятники греческаго искусства, картины и статуи, и съ этимъ позорнымъ достояніемъ занялъ въ римскомъ обществѣ почетнѣйшее мѣсто, и дерзнулъ даже искать себѣ новыхъ должностей, пока не обличилъ его Цицеронъ. А *Юлій Кесарь?* Но я желалъ бы пощадить эту величавую, античную личность для другихъ свѣтлыхъ типовъ римской исторіи.

10. *Драки.* Благородное, но слишкомъ женственное чувство нашихъ молодыхъ историковъ возмущается при описаніи *новгородскихъ* и *псковскихъ дракъ.* (Съ позволенія ихъ, я присоединилъ здѣсь къ новгородскимъ и псковскія драки, о которыхъ они вовсе не упоминаютъ: ибо если Новгородцы дрались на *Вѣчѣ,* то отъ чего же не подраться и Псковичамъ, при одинаковомъ общественномъ устройствѣ?) Я вовсе не защищаю дракъ; напротивъ утверждаю, что неблагопристойно притти на *Вѣче,* для рѣшенія важныхъ государственныхъ дѣлъ, и учинить тамъ драку. Но что жъ прикажете дѣлать? Драки всегда и вездѣ происходили, гдѣ существовали народныя собранія; слѣдовательно это необходимая ихъ принадлежность, и безъ нихъ народу обойтись нельзя. Новгородцы дрались въ старыя времена и на улицѣ, при томъ между собой, въ своей семьѣ; а семейныя ссоры не подлежатъ суду. Но припомните знаменитую въ своемъ родѣ, новѣйшую драку: *Сѣверо-Американцы* учинили ее на Сеймѣ, при зерцалѣ, въ присутствіи Президента, въ полномъ собраніи всѣхъ депутатовъ отъ всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ. Здѣсь уже виденъ другой стиль, повыше нашего. *Римляне* своими драками извѣстны всѣму свѣту; нервная, страстная, итальянская ихъ натура воспламенялась при малѣйшемъ поводѣ. Но виновны были въ этомъ часто *женщины:* оскорбленія, нанесенныя ихъ личности какимъ-ни-

(1) Cic. Orationes in Verrem.

будь молодымъ аристократическимъ шалуномъ, онѣ заявляли народу на площади, и тогда все приходило въ бѣшенство, и сопровождалось даже разрушеніемъ государственнаго порядка: по такому поводу было уничтожено Царство, Децемвиратъ. Отъ непрерывнаго повторенія ихъ Римляне спасены были благодѣтельнѣйшимъ государственнымъ органомъ, плебейскимъ трибуномъ: онъ стоитъ посреди двухъ враждебныхъ народныхъ массъ и своею священною неприкосновенностію раздѣляетъ ихъ отъ всякаго физическаго соприкосновенія. Но и эта священная личность не всегда могла предупредить кровавый бой.

Я представлю на видъ одну римскую драку, единственную въ исторіи человѣчества. Первосвященникъ римскій, вселенскій святитель античнаго канона, *Сципіонъ Назика*, въ полномъ церковномъ облаченіи, подалъ народу роковой знакъ къ убійству Тиберія *Гракха*, самъ ринулся на него съ толпою и, по совершеніи такого святотатственнаго закланія, отправился торжественно въ Капитолійскій храмъ, принести богамъ, тамъ засѣдающимъ, благодарственное возліяніе. Въ исторіи Христіанскихъ государствъ не слышно, чтобы когда-нибудь дрались на смерть первенствующія духовныя лица; а у насъ на Руси, по благочестивому преданію, лица даже нисшихъ церковныхъ степеней, своими руками не убиваютъ и домашней птицы, понимая свое высокое служеніе Безкровной Жертвѣ.

11. *Религія*. Отъ языческаго міра нельзя требовать *едипобожія;* но опредѣленнаго, національнаго и неизмѣннаго *канона* всякой въ правѣ пожелать ему, во имя общечеловѣческаго родства съ нимъ: ибо отъ непреложности канона зависитъ твердое вѣрованіе въ народѣ и искреннее богопочтеніе. Римляне и съ этой статьей распорядились по своему; религію народную они разсматривали съ двухъ сторонъ: или, какъ предметъ добычи, и тогда объявляли ее на *военномъ положеніи;* или, какъ дипломатическій мировой актъ, и тогда ставили ее въ ряду римскаго иконостаса, смотря по чину народа. И вотъ открывается въ исторіи величественная картина: къ Риму, какъ центру всемірнаго тяготѣнія, потянули со всѣхъ концевъ антропоморфическіе боги, искать у него покровительства и занять приличное мѣсто во всеобщей ему службѣ, обѣщаясь служить вѣрою и правдою. На землѣ римской выстроены великолѣпные храмы и часовни, а въ нихъ—благочестивые древніе поклонники, воздающіе своимъ богамъ должный *культъ*. Чествовалъ ихъ каждый по своему, по своимъ обрядамъ; *литургіи* эти неописанно разнооб-

разны и уродливы. Но особенно изъ всѣхъ выдаются, своею яркостію, два культа: *Греческій* и *Египетскій*. Первый отличается необыкновенною красотою, изяществомъ формъ, разнообразіемъ, подвижностію и близостію къ человѣческой натурѣ. Человѣкъ для всѣхъ сторонъ своей жизни, для всѣхъ затаенныхъ сердечныхъ движеній, иногда и не совсѣмъ правильныхъ и чистыхъ, найдетъ въ немъ своего бога – покровителя, откроется ему на исповѣди въ своихъ страданіяхъ и получитъ чрезъ жрецевъ обѣщаніе въ утоленіи ихъ, если только онъ принесетъ ему достойную жертву; а жертвы были въ то время вещественныя. Понятно, что Римляне, наскучивши своими угрюмыми и неподвижными богами, стали ихъ по немногу забывать, чаще обращались къ греческимъ божествамъ, и наконецъ совершенно отпали отъ вѣры отцевъ своихъ, отъ православія каноническаго. Это уже *апостасія*, величайшій грѣхъ.

Египетскій культъ не можетъ итти въ сравненіе съ греческимъ, какъ и самый народъ. Но въ немъ преобладала какая-то чудовищная оболочка, подъ которою скрывались какія-то тайны, чудесныя откровенія. А человѣкъ, извѣстно, до открытія тайнъ страстный охотникъ: онъ готовъ нарушить святую заповѣдь, лишь бы немного приподнять завѣтное покрывало и посмотрѣть, что тамъ дѣлается. Опять понятно, что воображеніе Римлянъ стало по немногу раздражаться при видѣ уродливыхъ фигуръ египетской религіи; особенно женская натура не могла устоять противъ такого искушенія. И вотъ новая *апостасія;* перемѣна вѣры высшей на низшую, если только можно различать языческія вѣроисповѣданія по степенямъ. Понтифы и цензоры вздумали было противодѣйствовать такому наплыву иностранныхъ боговъ и по сенатскому указу нѣкоторыхъ гостей выпроводили за границу. Но Римъ былъ уже въ сердечныхъ съ ними сношеніяхъ, слѣдовательно тайныя связи неизбѣжны (1). Наконецъ, убѣдившись въ недѣйствительности всѣхъ правительственныхъ мѣръ, рѣшились выстроить небывалое въ мірѣ зданіе, въ которомъ и размѣщены были всѣ древніе боги по чинамъ. Таковъ былъ римскій *Пантеонъ*.

12. *Жизнь частная, домашняя.* Какъ въ формахъ жизни государственной была какая-то *мѣра*, предѣлъ, за которымъ республика не могла долго держаться, такъ точно и въ быту частномъ господство-

(1) Смотр. у Ливія судебное слѣдствіе de Bachanalibus. XXXIX, стр. 8—19.

валъ подобный типъ. Этотъ свѣтлый типъ, отличавшій народъ римскій отъ всѣхъ другихъ и давшій ему рѣшительный перевѣсъ предъ ними, въ нравственномъ и общественномъ отношеніи, сталъ сглаживаться и наконецъ совсѣмъ изчезъ. Въ процессѣ международнаго обобщенія, старые, строгіе нравы и обычаи уступили мѣсто новымъ; за побѣдами внѣшними невидимо шла, сопутствовала Риму нравственная неволя; Римъ очутился въ порабощеніи у своихъ военноплѣнниковъ, и воспріялъ отъ нихъ всю сумму зла, накопившуюся у нихъ отъ различныхъ причинъ и переданную сполна побѣдителю, въ знакъ благодарности. Старые люди чутьемъ поняли приближающуюся бѣду народу и громкимъ, трубнымъ голосомъ заявили это обществу. Въ лицѣ *цензоровъ* открылся всеобщій протестъ противъ новаго направленія. Много было сдѣлано, въ противодѣйствіе этому злу, много энергіи выказалось въ духѣ народномъ, много казней, запрещеній, ограниченій послѣдовало: но все было безполезно. Римъ великъ былъ въ подвигахъ; онъ борется съ внутреннимъ врагомъ, какъ будто съ внѣшнимъ, и здѣсь заключалась великая его ошибка. Потокъ развращенія разорвалъ всѣ плотины, устроенныя цензоромъ, и унесъ съ собой молодое поколѣніе. Всего явственнѣе эта нравственно-семейная сторона народной жизни высказывается въ *женщинѣ*. Какое удивительное различіе между женщиной старыхъ римскихъ временъ и новыхъ! Новая, молодая женщина оставила домашній очагъ, гдѣ такъ тепло было и ей, и всему семейству, и, выступивъ въ сферу публичную, приняла самое горячее, сердечное участіе въ разыгрывающейся драмѣ. Она расторгла всѣ связи, всѣ узы, которыми была до сихъ поръ сдержана; властительный бракъ (manus mariti) перемѣнила на свободный; отъ половой вѣчной опеки (tutela mulierum perpetua) высвободилась различными хитростями (1). *Разводъ* былъ неограниченъ и довелъ Римъ до дѣйствительной *полигаміи*, только въ преемственной смѣнѣ. Противъ замысловъ строгаго цензора женщины употребили силу: когда онъ шелъ въ сенатъ, онѣ обступили его со всѣхъ сторонъ, сперва умоляли, потомъ грозили, и наконецъ достигли того, что были сняты съ нихъ нѣкоторые ограничительные законы (2). На театрѣ происшествій, гдѣ едва могъ устоять тогда и закаленный въ бою гражданинъ, явилась

(1) Tutela fiduciacia, cessionaria, coëmtio tutelae evitandae causa.

(2) Leges sumtuariae; особенно: (Oppia, Fannia, Didia, Aemilia cibaria, и др.)

и женщина, увидала всю жизнь, но съ мрачной стороны; посѣщала народныя собранія, уголовныя судилища, и притомъ не въ роли свидѣтельницы, участницы въ скорби несчастнаго, но въ качествѣ публичнаго *адвоката*. *Лѣтопись* отмѣтила, на позоръ всему потомству, имя какой-то безстыдной *Афраніи*, которая была публичнымъ адвокатомъ въ уголовныхъ и гражданскихъ процессахъ; вѣроятно, какія-нибудь поразительныя выходки съ ея стороны вызвали въ 705 г. окончательное запрещеніе для женщины всѣхъ публичныхъ судебныхъ дѣйствій (1).

При всеобщемъ разложеніи стараго, добраго порядка, сдѣланъ былъ послѣдній *протестъ*, обращенный не къ суду тогдашняго времени, которому это дѣло и не подсудно уже было, но къ суду всемірной исторіи. Этотъ послѣдній голосъ въ пользу подсудимой нравственности подалъ старый *Катонъ*. Но въ какой безобразнѣйшей формѣ? Этотъ первенствующій сановникъ, старшина республиканскаго гражданскаго общества, ходитъ по вѣчному городу *босой*, въ *рубищѣ*, съ непокрытой головой, съ ясными на лицѣ знаками выдержаннаго страшнаго великаго поста, нравственнаго и физическаго; и въ такомъ отчаянномъ видѣ проръкаетъ близкую кончину республики. Идея высока, драматична: но обстановка театральная противъ правилъ древняго искусства; притомъ, идея слишкомъ заслонена, подавлена формою, которая раздираетъ всю душу зрителя. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, это *Юродивый* античнаго, великолѣпнаго Рима, выставленный на позоръ и насмѣшку уличныхъ мальчишекъ?

Но довольно этихъ оттисковъ. Чувство зрителя и машиниста утомлено и начинаетъ страдать. Прошу читателя не забыть, что я совершилъ эту операцію по неволѣ, по принужденію. Я люблю Римъ во всѣхъ его историческихъ состояніяхъ: ибо прихожусь ему въ нѣкоторомъ родствѣ, по *ученому усыновленію*. Но ради стариковъ нашихъ Русскихъ, которымъ я близкій родственникъ *по крови*, рѣшился на такой тяжелый подвигъ. Кровное родство всегда сильнѣе разсудочнаго!

Оттиски эти вѣрны и согласны съ историческими свидѣтельствами. Я на пробу сдѣлалъ ихъ немного, съ тою цѣлію, чтобы доказать достоинство нашей методической машины и способность ея къ воспроизведенію такихъ фигуръ въ безконечномъ количествѣ. Здѣсь мы

(1) Въ источникахъ сказано просто: propter imprudentiam ejus.

смотримъ на республику съ одной *отрицательной* стороны. Припомните, что мы оставили при наблюдательномъ снарядѣ чиновника римской имперіи, со свиткомъ въ рукахъ, который съ ироніею и самодовольствіемъ разсматриваетъ старый порядокъ съ своей точки зрѣнія. При всей противоположности нашего внутренняго убѣжденія, мы должны однакожъ согласиться съ нимъ и произнести надъ республикой судъ, весьма неблагопріятный для нея. Подъ такимъ угломъ, какъ имперія, она представляется міровымъ чудовищемъ, при которомъ древнее человѣчество не могло жить. И такъ *Марій* и *Суллы*, *Помпеи* и *Кесари*, *Антоніи* и *Октавіи*, съ этой точки зрѣнія, являются истинными благодѣтелями рода человѣческаго, потому что они прекратили существованіе этого всепоглощающаго чудовища. Они имѣли даже благословеніе того же Юпитера (1), который поставилъ на царство Ромула, надъ республикой двухъ консуловъ, вырѣзать все буйное народонаселеніе Италіи, отдать богатѣйшіе муниципальные города вѣрнымъ своимъ сподвижникамъ—солдатамъ и, устроивши около себя всемірную военную крѣпость, охраняемую ветеранами (Coloniæ Militares) (2), приступить, съ божіею помощію, къ закладкѣ новаго государственнаго зданія, съ новымъ размѣщеніемъ жильцовъ и подчиненіемъ ихъ одному хозяину. Республика пришла уже въ ветхость и походила на разсыпанную храмину, которую нужно было собрать воедино. Такимъ домостроителемъ, собирателемъ и зодчимъ является у Римлянъ *Императоръ*, у насъ въ Россіи Московскій *Государь*. Между тѣмъ и другимъ есть нѣкоторое соотношеніе, и даже сходство, впрочемъ болѣе внѣшнее, случайное, нежели дѣйствительное. Формы античнаго міра діаметрально противоположны формамъ новаго Христіанскаго міра. Мы знаемъ планъ римскаго строителя, труды его и заботы, неизбѣжныя при такомъ дѣлѣ, средства, которыя были у него подъ рукою, и размѣщеніе въ немъ всѣхъ обитателей всемірной имперіи.

Мы знаемъ судьбу этого человѣческаго зданія. При всѣхъ уси-

---

(1) Знаменитые 12 коршуновъ, augustum augurium—знаменіе, которое открылось Ромулу и повторилось Августу. Несчастному *Ремy* показались только шесть коршуновъ.

(2) *Сулла* основалъ 45 военныхъ колоній, *Кесарь* 46, тріумвиры 34, *Августъ* 28 новыхъ, и нѣсколько возобновилъ старыхъ, которыя пришли въ опустѣніе. И всѣ эти военныя цѣпи протянуты были по одной Италіи. См. *Becker*. Handbuch der Rom. Alterthümer III B. 1 Abtheilung.

ліяхъ, укрѣпленіяхъ, надзорѣ, оно никакъ не могло отвердѣть на зыбкой землѣ италійской, непрестанно колебалось и угрожало полнымъ разрушеніемъ, какъ бы отъ вулканическихъ дѣйствій причиняемомъ.

Эти подземныя потрясенія заставили *Діоклитіана* искать новаго мѣста въ *Африкѣ*, а Константина Великаго на *Востокѣ*. Но, пока оно держалось въ своемъ цѣломъ составѣ, пока продолжалось существованіе имперіи, при *отрицательномъ* направленіи метода, можно найти въ ней такія стороны, гдѣ превосходство новаго государства предъ старымъ покажется очевиднымъ. И такъ повторимъ нашъ опытъ надъ тѣми же явленіями и проведемъ параллельную линію по тому же направленію, между республикой и имперіей.

Въ имперіи все получило новый видъ, новый уставъ государственный; *народныя собранія* распущены, а верховныя права народа перешли къ императору; *республиканскіе сановники* превратились въ государственные чины и личныя достоинства (Dignitates), и размѣщены въ новой свѣтской іерархіи, по классамъ, окладамъ и мундирамъ (1); великимъ чиноначальникомъ, раздаятелемъ почестей и отличій былъ одинъ Государь; *сенатъ* сдѣлался обыкновеннымъ совѣтомъ, съ которымъ иногда угодно было Императорскому Величеству притти въ соприкосновеніе, предлагая ему для соображенія нѣкоторые свои планы, впрочемъ на безпрекословное утвержденіе (2); корыстолюбивые *всадники* прекратили свои государственныя операціи, при новомъ хозяйствѣ имперіи, и вступили въ новую придворную службу, составивши лейбъ-гвардію Императорской фамиліи (3); *судъ* получилъ новую организацію и вылился въ опредѣленную форму трехъ судебныхъ инстанцій; *отъѣзды* гражданъ сдѣлались невозможны, при существованіи римскаго государства по всему міру; *преступники* не могли избѣжать праведнаго наказанія; *провинціи* управляются императорскими чиновниками, получающими жалованье отъ правительства, и подъ строгою отвѣтственностію за злоупотребленія; отрѣзанныя прежде отъ Рима и разсматриваемыя какъ оброчныя статьи, онѣ теперь взошли въ составъ имперіи, и получили общія права гражданства римскаго. Однимъ словомъ, широкая, без-

(1) См. notitia dignitatum et administrationum in partibus Orientis et Occidentis. Edit. *Bocking* Bonn. I. II Tom.

(2) Senatus consulta ad orationes Principum.

(3) Преторіанцы римскіе.

брежная, волнующаяся жизнь народа Римскаго взошла въ свое русло и потекла тихимъ, мирнымъ потокомъ. Въ 727 г., 16 го Генваря, Августъ отпраздновалъ всеобщее замиреніе, *земскій миръ*, при великолѣпнѣйшей религіозной церемоніи. Молились всѣ отъ сердечнаго умиленія, каждый своимъ богамъ и по своимъ обрядамъ. Тогда же совершился надъ нимъ первый человѣческій *апотеозисъ*: лицо его внесено въ церковный Канонъ (наши святцы), и ему стали молиться, какъ главному богу, стоящему въ Олимпійскомъ сонмѣ рядомъ съ Юпитеромъ (1); именемъ его клялись, какъ величайшею святынею (2), статуи его стояли въ каждомъ дому между домашними богами, и оказывали чудесныя дѣйствія (3). Есть что-то грустное, трагическое, въ этомъ апотеозѣ! Чувствовалъ эту грусть и народъ Римскій, но не зналъ еще ясно, что она значитъ, и что предвѣщаетъ.

Но перенесемся мысленно отъ политической картины къ внутренней жизни тогдашняго человѣка—*религіозной* и *нравственной*. Здѣсь происходитъ невидимо величайшій переворотъ: древній человѣкъ облекается въ новаго, изъ язычника дѣлается Христіаниномъ. Такой переходъ не могъ совершиться органическимъ путемъ возраста; надобно было сбросить, оставить все прежнее существо, духъ и тѣло, и получить новое бытіе—по *благодати*. И вотъ на поверхности жизни показываются страшныя явленія: невѣріе и суевѣріе, тоска, неупокоеніе, самоубійство. Мы не дерзнемъ осуждать древняго человѣка въ его предсмертныхъ, мучительныхъ страданіяхъ; но благоговѣйною и радостною пѣснію прославимъ зародившагося, вмѣстѣ съ І. Христомъ, новаго человѣка, который постепенно воспитывается въ новыхъ правилахъ Христіанской Вѣры и нравственности; а Риму принесемъ благодарность, отъ имени всѣхъ Христіанскихъ народовъ, что онъ послужилъ орудіемъ Промысла. Единство Италіи и Провинцій приготовило единство Имперіи; а единство Имперіи укрѣпило единство Христіанскаго человѣчества.

Римскіе историки смотрѣли на *Имперію* всегда съ республиканской точки зрѣнія, уставивши свой наблюдательный инструментъ на почвѣ

---

(1) Imperatori, cum Augusti nomen accepit, tanquam praesenti et corporali *Deo* fidelis est praestanda devotio, et impendendus pervigil famulatus.

(2) Si sciens fallo fefelleroque, tum me liberosque meos Jupiter Optimus Maximus ac Divus Augustus ceteriique omnes Dii immortales exlorrem patria incolumitate fortunisque omnibus faxint. Orelli. Inscript. 3665.

(3) Hodie in multis domibus M. Antonini statuae consistunt inter Deos penates: nec defuerunt homines, qui somniis Eum multa praedixisse futura et vera concinuerunt. Capitol. in M. Avrel. 18.

родной, Италійской. Естественно, что эта великая Имперія казалась имъ безобразнѣйшимъ явленіемъ, которое было внѣ ихъ пониманія, и не возбуждало въ нихъ никакого нравственнаго сочувствія. Въ той мѣрѣ, какъ эта уродливая копія удалялась отъ своего свѣтлаго типа, на поверхности общественной и частной жизни показались удивительныя явленія, возмущающія всю душу зрителя, оскорбляющія все нравственное существо. Какая-то неизвѣстная, не разлагаемая сила погубила всю землю, разложила все человѣчество, убила свободное дыханіе живаго существа. Цвѣтущіе и многолюдные города разомъ опустѣли; народъ бросаетъ землю, домъ, и ищетъ, не зная гдѣ, себѣ убѣжища; по великой Имперіи протянуты военные корпуса, а на моряхъ ея стоятъ грозныя флотиліи. По видимому, все тихо, спокойно, въ порядкѣ, всё слилось въ одномъ верховномъ владыкѣ—Императорѣ, и по его мановенію движется государство, подобно *машинѣ*, однообразно устроенной для всѣхъ земель, по всѣмъ путямъ сообщенія. Машина эта совсѣмъ не то, что *самокатъ республиканскій*; она непрестанно останавливается въ своемъ ходу, починивается разными мастерами, незнающими своего дѣла, и требуетъ огромнѣйшихъ издержекъ для своего дѣйствія. Наконецъ вулканическимъ огнемъ была взорвана, и изъ разбросанныхъ ея облоковъ составились цѣльныя, огромнѣйшія новыя государства.

Кто этотъ всегубительный духъ, и какое онъ носитъ названіе?

Языческій умъ не могъ разрѣшить этого вопроса, и при всей своей аналитической и пластической способности, не умѣлъ пріискать ему настоящаго имени. А имя ему *I. Христосъ*! Понятно, что представители сознательной мысли —органы науки древней не могли разсмотрѣть надлежащимъ образомъ окружающаго ихъ міра, и объяснить правильное отношеніе причинъ къ явленіямъ. Но *наука новая* иначе смотритъ на римскую имперію, и сообщаетъ ей другую, лучшую физіономію. Но и у римскихъ историковъ былъ удивительный тактъ, которому поучиться и намъ не безполезно. Въ исторіи своего народа видятъ они только *свѣтлый образъ*, а тѣни идутъ по сторонамъ, для украшенія и полноты исторической картины. Даже въ отношеніи къ *имперіи*, они выдерживаютъ этотъ художественный *пошибъ*, щадя ее съ какою-то сыновнею любовію вездѣ, гдѣ только можно это сдѣлать, безъ явнаго нарушенія исторической правды. Одинъ *Тацитъ*—неподражаемый, единственный критикъ, какого могла произвести древняя историческая критика, неумолимъ къ имперіи. Но,

по моему мнѣнію, онъ имѣлъ личный процессъ съ несчастнѣйшимъ семействомъ Августа, преслѣдовалъ своею страстною, убійственною местію одинъ *династическій* интересъ, оставивши въ покоѣ родоначальника. Когда эта чудовищная фамилія вымерла съ послѣднею отраслію—*Нероном*ъ, и смѣнилась новою *Испанскою*—въ лицѣ *Веспасіана*, Тацитъ нравственно ожилъ, позабылъ свою месть, полюбилъ современное ему общество, и возрадовался, какъ истинный Римлянинъ, о приближеніи золотаго вѣка, возвѣщеннаго *Антонинами*.

Но мы слишкомъ долго остановились на анализѣ *Римскаго* быта. Основная мысль, которую я защищаю здѣсь, та, что методическіе пріемы чрезвычайно подвижны и условны, и что исторія государства можетъ представлять то свѣтлые, то мрачные образы, смотря по различному направленію метода. Г. Чичеринъ смотритъ на старую Россію *съ отрицательной стороны*, утвердившись *положительно* на почвѣ Московскаго, или вѣрнѣе, *Петровскаго Государства*. Такое положеніе его мнѣ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ, что и объяснено вышеизложенными доказательствами. Но гдѣ же *историческая истина*? Жизнь народа такъ полна, разнообразна и разнослойна, что наблюдатель можетъ выбирать изъ ея объема, что ему угодно. И такъ наукѣ предстоитъ труднѣйшая работа—произвести окончательную ревизію дѣлъ человѣческихъ, размѣстить историческія событія по мѣстамъ, сообразно ихъ происхожденію, климату, составу, значенію и внутренней цѣнности, и въ такомъ полномъ и естественномъ составѣ выставить ее на всемірный судъ. Исторія человѣчества съ этой стороны походитъ на *всемірную выставку нашихъ временъ*.

Мы знаемъ, съ какими трудностями и заботами соединено учрежденіе такой вещественной выставки. Надобно было выстроить хрустальный дворецъ, составить комитетъ изъ нѣсколькихъ отдѣленій, для распредѣленія предметовъ; надобно было отъ всѣхъ націй избрать депутатовъ въ качествѣ присяжныхъ судей, для опредѣленія и раздачи премій. О другихъ, неизбѣжныхъ при этомъ случаѣ, хлопотахъ умалчиваю. Но и при всѣхъ распорядительныхъ мѣрахъ слышны были жалобы на пристрастіе присяжнаго суда. А между тѣмъ, казалось бы, это дѣло удобоисполнимое. Вещи стоятъ отдѣльно, по мѣстамъ; каждая имѣетъ свою форму, названіе и извѣстное отношеніе къ общему обороту, къ потребностямъ новой жизни народовъ, безъ всякаго отношенія къ различнымъ ихъ возрастамъ. Здѣсь не требуется знать, какъ относится русская печь къ русской избѣ; европейскій присяжный просто

отвергаетъ оборотное ея достоинтство, и не признаетъ въ ней никакой цѣнности; слѣдовательно мѣновая оцѣнка выставленныхъ предметовъ легко можетъ быть опредѣлена.

Но всемірная выставка исторіи народовъ соединена съ неизмѣримыми трудностями: здѣсь другой маштабъ, и не одинъ, а много. Дѣянія народа такъ сложны, подвижны и условны, что могутъ и опытному глазу представляться съ различныхъ и противоположныхъ сторонъ; событія не стоятъ здѣсь отдѣльно, какъ вещи, съ именемъ и опредѣленнымъ значеніемъ въ жизни народа; напротивъ—это одни указатели, проводники къ совѣсти народа, къ его нравственной свободѣ: вмѣняема и подсудима воля человѣческая; внутренняя связь между духомъ и явленіями почти неуловима; взаимное соотношеніе причинъ къ дѣйствіямъ, дѣйствій къ послѣдствіямъ — этотъ недробимый организмъ предполагаетъ со стороны судіи актъ свободнѣйшаго и личнаго мышленія. Легко можетъ статься, что неопытный, или своевольный уставщикъ разорветъ этотъ организмъ, и событія соединитъ съ другими причинами, подчинитъ ихъ другимъ началамъ и идеямъ. Такъ мы поступили съ *римской республикой*. Изъ организма цѣльной, единой жизни мы выняли отдѣльныя явленія, и при томъ въ рѣзкихъ моментахъ развитія, поставили ихъ подъ угломъ *римской имперіи*, въ которой не было для нихъ никакого мѣста, и этимъ произвольнымъ маштабомъ стали опредѣлять историческое ихъ достоинство. Естественно, что въ имперіи не было достойнаго покупателя республиканскихъ учрежденій; а *антикваріи* въ то время еще не появлялись. И вотъ мы нанесли Республикѣ *личное* оскорбленіе, и сами сдѣлались подсудны высшему суду, за неправое рѣшеніе.

И на древнюю русскую исторію г. Чичеринъ посмотрѣлъ не съ надлежащей точки зрѣнія. Можно ли Россію, еще въ дѣтствѣ находившуюся, приравнять къ Россіи Петра Великаго и обвинять ее въ недостаточности и нетвердости общественныхъ формъ, по маштабу зрѣлаго, государственнаго возраста? Тѣлесный организмъ еще тогда не сложился; формы его мягки, гибки; вся поступь русскаго человѣка обозначала какую-то наивную простоту и нѣкоторую *распущенность*, неразлучную впрочемъ съ дѣтскимъ здоровымъ возрастомъ. Но когда мы отбросимъ всѣ эти высокомѣрныя притязанія новой науки, и, вспомнивши свое собственное дѣтство, будемъ говорить съ нашими предками на ихъ языкѣ, будемъ объяснять всѣ историческія явленія по отношенію къ тогдашнему быту, въ связи со всѣмъ организмомъ

народа, когда дѣйствія человѣческія мы подчинимъ господствовавшимъ тогда началамъ, идеямъ; и всю водную массу, разлившуюся по всѣмъ путямъ народной жизни, сосредоточимъ въ ея источникѣ: тогда представится намъ другая, свѣтлая, а не мрачная картина; мы увидимъ исторію нашу въ *положительныхъ* движеніяхъ, имѣющихъ смыслъ, значеніе и мѣновую цѣнность. Итакъ судъ надъ исторіею человѣчества есть величайшій и труднѣйшій актъ; легче было современному народу совершить земное поприще, нежели потомству произнести надъ нимъ судъ.

А судія этотъ—личный органъ науки, одинъ сидитъ на судилищѣ. Предъ нимъ нѣтъ ни подсудимаго, ни адвокатовъ, ни ораторовъ, которые могли бы что-нибудь сказать въ пользу отжившаго народа; документы, на основаніи которыхъ онъ опредѣляетъ виновность его, неполны, мертвы, а часто составлены пристрастно и невѣрно. И такъ судебный произволъ здѣсь неизбѣженъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, но особенно по родству судіи съ подсудимымъ, и общечеловѣческому и кровному—національному, требуется отъ него необыкновенное благодушіе, кротость и глубокое пониманіе всѣхъ историческихъ состояній. Исторія отечественная имѣетъ преимущественное право на наше сердечное сочувствіе.

V.

Во всѣмъ сочиненіи г. Чичерина не видно историко-органическаго метода; это существенный недостатокъ въ историко-юридическихъ изслѣдованіяхъ.

Мы выставили на видъ четыре стороны въ методѣ г. Чичерина; подвергнувши ихъ критическому разбору, увидѣли въ нихъ нѣкоторые недостатки. При такомъ методическомъ взглядѣ, исторія русскаго права не имѣетъ въ себѣ никакого органическаго элемента, не представляетъ никакихъ живыхъ движеній; этотъ существенный недостатокъ въ историческомъ сочиненіи долженъ быть необходимымъ послѣдствіемъ всякаго логическаго пониманія живой исторіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ достойною казнію произвольному мыслителю. Раскроемъ этотъ главный, первостатейный элементъ въ правѣ, сколько возможно, наглядиѣе.

Историко-органическое пониманіе положительнаго права представляетъ удивительныя трудности, съ которыми боролся и борется

пытливый умъ человѣческій. Другія отрасли юриспруденціи давнымъ давно получили въ наукѣ гражданственность, твердо стали на отведенной имъ почвѣ и скоро дали богатый плодъ, при помощи усердныхъ и ученыхъ садовниковъ. *Исторія* права, особенно *внутренняя* (1), есть младшій членъ въ этой родной семьѣ, юная отрасль въ этомъ многостороннемъ организмѣ и во многомъ должна уступить старшимъ своимъ членамъ. Растительный, *органическій* элементъ права долго былъ не замѣченъ. Древній *классическій міръ* вовсе не зналъ, что право состоитъ въ процессѣ внутренняго возрастанія, исходитъ изъ духа народнаго, а не извнѣ, получаетъ существо, тѣло, форму, сообразно съ историческою физіономіею народа, измѣняетъ эту прирожденную оболочку, при вступленіи въ новый свой возрастъ; однимъ словомъ, что право есть живой и дѣятельный организмъ, и имѣетъ свою физіологію. *Римскіе* юристы близко подошли къ этому организму, но застали его не при рожденіи и первоначальномъ воспитаніи, но въ ту пору, когда онъ совсѣмъ сложился, окрѣпъ и дальнѣйшаго видимаго возрастанія не имѣетъ (2). Въ анализѣ этого полнаго организма они показали высочайшій, непостижимый даръ, которымъ надѣленъ былъ такъ богато римскій *разумъ*, по общему признанію названный *писаннымъ разумомъ* (3). Съ юридическими явленіями и понятіями они обращались, какъ съ *цыфрами* (4), перекладывая ихъ на какихъ-то щетахъ въ круглыя и цѣлыя числа, и составляя вѣрнѣйшія суммы. Этой великой способности, принадлежащей въ исключительную собственность античному, Латинскому міру, ни одинъ Христіанскій народъ не имѣетъ; а какъ нужно бы намъ ее имѣть вездѣ, но преимущественно въ правѣ! Вслѣдствіе такого настроенія римскаго ума, составилась у нихъ *аналитическая догматика*. Кто не знакомъ съ нею посредствомъ долговременнаго и глубокаго изученія, тому передать отличительныя ея свойства, ни на какомъ языкѣ и ни какимъ знакомъ, никто не можетъ, при всемъ желаніи. Остается

(1) Обыкновенно, исторію права, по примѣру *Лейбница*, раздѣляютъ на *внѣшнюю* и *внутреннюю*: historia juris externa et interna. Слово выбрано не совсѣмъ мѣтко, а мысль высокая.

(2) Существованіе *Пандектистовъ* относится ко второму и третьему вѣку по Р. Х. Въ это время были и давно уже дѣйствовали въ жизни римской двѣ великія системы права: *jus Quiritium* et *jus gentium*. Онѣ и были предметомъ юридическаго анализа.

(3) *Ratio scripta*—raison écrite.

(4) *Савиньи* называетъ это *Rechnen mit den Begriffen*.

одно средство — засвидѣтельствовать достоинство римской догматики *честнымъ словомъ* или *присягою*; но и это неубѣдительно для непонимающаго, а многіе не повѣрятъ на слово и къ присягѣ не допустятъ. Что посовѣтуете дѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? *Историческая* сторона въ правѣ представляетъ жалкіе, дѣтскіе пріемы римскаго ума; какъ будто здѣсь дѣйствуетъ и мыслитъ другой народъ, а не Римляне. И такъ дары Божіи, и въ естественномъ, и благодатномъ смыслѣ, различны, и раздѣляются, по народамъ и лицамъ, въ различныхъ степеняхъ.

Отъ *среднихъ вѣковъ*, само собою разумѣется, нельзя ожидать историческаго пониманія права: ибо тогда всѣ народы Христіанскіе жили на чужой счетъ, питались юридическимъ наслѣдствомъ, полученнымъ отъ Римлянъ. На *итальянской землѣ*, гдѣ нѣкогда выросло великолѣпное римское право съ римскими гражданами, и гдѣ теперь хранились мертвые его остатки—литературные памятники, усердіемъ истинныхъ поклонниковъ сбереженные отъ злодѣйской руки варваровъ, на этой мягкой почвѣ вновь воспрянулъ этотъ дивный цвѣтъ, и украсилъ безобразное лицо германскаго общества. Новая Италія, — перерытая и перерожденная — едва-едва могла понять звучный, ясный и родной языкъ старой Италіи. Въ юридическомъ отношеніи, она пришла въ одно внѣшнее соприкосновеніе съ ней, толкуя и объясняя грамматически *вѣчный уставъ гражданскихъ правъ*, сочиненный Римлянами (1). Толковниками были *глоссаторы*; а центромъ ихъ дѣятельности италіанскіе университеты (XIII и XIV вѣкъ). Съ переносомъ римской науки во *Францію* и *Голландію*, измѣнился, значительно улучшился методъ пониманія: изъ простаго экзегетическаго перешелъ въ *критико-филологическій*, и въ *Куяціи* имѣлъ величайшаго своего представителя (XVI и XVI вѣкъ). На долю Германіи достался методъ *систематическій*, который получилъ здѣсь разнообразнѣйшія формы, красивыя и уродливыя, крупныя и мелкія (2) (XVII и XVIII вѣкъ). Вы видите, что отношеніе новаго ума къ античному было только внѣшнее, механическое. Corpus juris лежитъ на западной землѣ, какъ чужое тѣло, неподлежащее гніенію и неподручное анализу. Новый человѣкъ смотрѣлъ на него долго и съ разныхъ

(1) Corpus juris civilis.

(2) Systema, syntagma, compendium, Institutiones, cursus, Lehrbuch, Leitfaden, Grundriss, и такъ далѣе.

сторонъ, и не могъ понять, какъ оно могло образоваться до такого удивительнаго, чудовищнаго размѣра. Не безъ основанія, римскимъ юридическимъ памятникамъ дано это названіе. Жизненная сила въ этомъ литературномъ тѣлѣ всегда находилась, и тамъ, гдѣ оно лежало, всегда показывались свѣжія растѣнія. Весь *Западъ*, въ юридическомъ смыслѣ, есть ничто иное, какъ *цвѣтникъ*, наполненный роскошнѣйшими римскими цвѣтами. А настоящая, природная германская почва не слишкомъ ярко отличается отъ нашей русской. До XIX вѣка объ историко-органическомъ воззрѣніи на положительное право, о необходимости и возможности новаго метода при его изученіи—и чутья не было.

Вступленіе новой исторіи въ XIX вѣкъ открылось яркимъ происшествіемъ. Въ политическомъ организмѣ началась *революція*. Пришелъ конецъ Латино-Романскому элементу, такъ долго и съ такимъ деспотизмомъ господствовавшему на Западѣ во всѣхъ почти сферахъ человѣческой жизни, и задавившему своею тяжестію, и внутреннею и внѣшнею, національные элементы. Духъ народный, закованный въ чужія формы, и въ этой неволѣ тоскующій о какомъ-то новомъ своемъ положеніи, политическими переворотами вызванъ былъ къ своей естественной энергіи, забился свѣжимъ ключемъ и стремительно полился по всѣмъ сферамъ жизни, оживляя ее и смывая истертые отъ времени знаки чуждаго владычества. Началась новая, самобытная исторія народовъ, а съ нею и *исторія права*.

Да, политическая революція два раза дала бытіе нашей исторической наукѣ: предъ вступленіемъ новой исторіи въ *первую* половину XIX вѣка, и предъ выходомъ оной во вторую. Вотъ, съ какимъ трудомъ и какими болѣзнями обозначилось ея рожденіе! Нужно было разрушить весь старый бытъ, чтобы человѣкъ понялъ, что онъ живетъ не въ своемъ дому, и не на собственномъ иждивеніи, а по милости судьбы, доставившей ему богатое наслѣдство отъ классическаго, латинскаго міра. Вмѣстѣ съ сознаніемъ собственной національности, въ наше время, открылась настоящая физіономія древняго міра, и онъ приблизился къ нашему уму, какъ родной, запомнившій свое родство, обезображенный отъ долгаго странствованія по чужимъ землямъ и народамъ, *подкидышъ* новому человѣчеству, закабалившій его впрочемъ подъ свою власть. *Нибуръ* вскрылъ торжественно этотъ величественный ликъ классическаго міра, а *историческая школа*, подъ управленіемъ *Савиньи*, въ первый разъ живымъ, убѣдительнѣйшимъ язы-

комъ заговорила объ *органическомъ* происхожденіи правъ положительныхъ (1). *Методъ историческій* получилъ гражданское бытіе и преимущество предъ другими, при изслѣдованіи юридическихъ явленій.

Быть можетъ, кому-либо изъ читателей, не принадлежащихъ, по воспитанію, къ юридическому факультету, угодно знать *духъ исторической школы:* для нихъ я сдѣлаю здѣсь краткій очеркъ.

Главныя мысли *исторической школы* можно выразить въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) право есть одинъ изъ существенныхъ элементовъ, составляющихъ жизнь народа, подобно его физіономіи, языку, религіи, обычаямъ и нравамъ, и всѣмъ его духовнымъ вѣрованіямъ; 2) происхожденіе и образованіе его совершается свободнымъ, внутреннимъ, органическимъ процессомъ, а не зависитъ отъ внѣшней силы, не получается, какъ даръ вещественный, отъ какого-нибудь обладателя; 3) первоначальные пути невидимы, скрыты отъ наблюдательнаго человѣческаго взгляда: ибо мы застаемъ народъ съ готовыми юридическими понятіями, съ установившимся бытомъ; но они должны быть тѣже самые, по которымъ совершается образованіе *языка* въ народѣ. 4) Яркія, чувственныя *формы*, которыми обозначается органическій возрастъ права, *три*: *обычай*, *положительный законъ* и *юриспруденція:* (Gewohnheits-Recht, Gesetzes-Recht, Iuristen-Recht). 5) Формы эти показываются въ исторической преемственности, одна другою смѣняясь, одна другой передавая свое, выработанное, юридическое содержаніе; отсюда идетъ непрерывный, ничѣмъ не удержимый токъ одной и той же юридической матеріи по различнымъ каналамъ; а каналы идутъ изъ общаго, свѣтлаго источника—духа народнаго. 6) По внѣшнимъ формамъ составляются три возраста, три *періода*, на которые раздѣляется юридическая жизнь народовъ; періоды эти, по продолженію времени, не вездѣ одинаковы: у одного народа долго сохраняется обычное право, у другаго скоро показывается положительный законъ; а нѣкоторые, по малолѣтству своему, не вступили еще во второй, или третій возрастъ. 7) *Римъ* есть типическій образецъ всѣхъ возрастовъ и правильнаго ихъ соотношенія. Новые народы представляютъ нѣкоторыя уклоненія отъ нормальнаго порядка: ибо они, застигнутые въ своемъ органическомъ развитіи римскимъ элементомъ, насильственно введены были

(1) *Savigny* — Zeitschrift I. B. 3. Heft. Срав. System des heutigen römischen Rechts B. 1.

въ возрастъ положительнаго законодательства, и не усѣли, по мягкости прежней формы, сохранить ея сущность и передать новой эпохѣ обычный элементъ. 8) Но не смотря на такое раннее, случайное вторженіе въ германскій организмъ чуждаго и крѣпкаго слоя, по общечеловѣческому свойству римскихъ юридическихъ началъ, онѣ скоро привились къ организму, обновили его и составили вмѣстѣ съ нимъ единое тѣло и единый духъ (Gemeines heutiges, römisches Recht). Вотъ система историческихъ воззрѣній! Казалось, все здѣсь такъ просто, естественно и послѣдовательно, что не нужно было никакой революціи для признанія историческаго метода. Стоило только взглянуть на человѣка, проходящаго неуклонно различные физическіе и духовные возрасты, чтобы догадаться, что и право, которымъ онъ руководствуется въ своихъ дѣйствіяхъ, совершаетъ подобное шествіе. А между тѣмъ, въ теченіи нѣсколькихъ тысящелѣтій, никому не пришло въ голову посмотрѣть на юридическую жизнь съ этой стороны. Непостижимое явленіе! Иногда не можешь надивиться изобрѣтательности ума человѣческаго; а иногда не объяснишь себѣ его тупости. Какъ будто, по временамъ, обходитъ его *тёмная сила*.

И такъ вмѣстѣ съ читателемъ зададимъ себѣ вопросъ: почему же такъ поздно *историческій методъ* показался въ наукѣ? Какія препятствія предстояли ему при гражданскомъ рожденіи? *Догматика права*, сложенная самими Римлянами, прояснена была екзегезисомъ—грамматическимъ и критико-филологическимъ, и наконецъ возведена въ логическую систему. Даже надъ нею возвышался иногда разумъ человѣческій, и преломлялъ ее подъ различными *философскими* идеями, впрочемъ весьма неясными, и произвольными. (1) Процессъ органическаго образованія права совершается тайно, невидимымъ путемъ; на поверхности жизни видны одни положительные законы, носящіе типъ законодательной личности, съ неизбѣжнымъ ей произволомъ; они состоятъ въ непрерыномъ видоизмѣненіи, одинъ другимъ уничтожаясь, и разрѣшаются наконецъ въ величайшую массу, которую, для удобства въ жизни и судѣ, сосредоточиваютъ въ общемъ сводѣ, или *кодексѣ*. Между юридическою внѣшнею матерією и духомъ народа нѣтъ никакого внутренняго, взаимнаго со-

(1) Kant, Metaphysische Anfangs-Gründe der Rechtslehre. Königsberg. 1797. Всѣ старые и новые писатели—von Natur, Recht—этомъ жалкомъ отвлеченіи отъ римскаго положительнаго права; французскіе энциклопедисты, и др *Hegel*, Philosophie des Rechts 1821 г. первый курсъ.

прикосновенія, кромѣ одного внѣшняго, уголовнаго, принудительнаго: надобно исполнять законъ. Въ положительномъ законѣ не проглядываетъ юридическая совѣсть народа, которая переложена только въ новую форму, очерчена общими, всѣмъ извѣстными знаками (1). Законодатель стоитъ здѣсь отдѣльно, высоко, внѣ народа, какъ свободный дѣятель, устрояющій по своимъ соображеніямъ судьбу народа; къ нему не проведены никакіе каналы отъ сердца народнаго, несущіе стремительно жидкую матерію, для приведенія ея въ твердое состояніе. Къ этому естественному положенію права, закрывающему отъ наблюденія внутренній его процессъ, присоединилась особая, тяжелая судьба новыхъ законодательствъ. Надъ всѣмъ западнымъ міромъ владычествовало *римское право*; изъ него онъ заимствовалъ все: понятія, уставы, форму и языкъ; національный юридическій элементъ, подъ такимъ гнетомъ, не могъ свободно развиться, и едва уцѣлѣлъ въ нѣкоторыхъ самобытныхъ сферахъ жизни, которыя не легко поддаются чужеземнымъ вліяніямъ (2). *Господство каноническаго* права—другой великой разумной силы—докончило этотъ разрушительный актъ—убіеніе національнаго чувства. И такъ въ самомъ дѣлѣ надобно было, чтобы революція политическая вступилась за нашу науку и дала ей гражданственность.

Новая школа привѣтствована была колоссальнымъ историко-юридическимъ твореніемъ, вышедшимъ изъ-подъ пера самаго учредителя; въ *1803 году* юриспруденція, въ завѣтъ свой, получила отъ него *владѣніе* (3); выше, античнѣе по стилю, наша наука до сихъ поръ ничего не могла представить для соперничества. Для живаго и свободнаго сообщенія токовъ историческаго элемента, основанъ былъ *историческій журналъ*, въ дружномъ общеніи Романистовъ и Германистовъ (4). Къ общей радости ученыхъ, случайно открылись тогда же древнѣйшіе Юридическіе памятники, затерянные, или обезображенные рукою времени; къ такому счастливѣйшему открытію принадлежатъ *Institutiones Gaji*, Римскаго юриста съ исключитель-

---

(1) И съ нравственнымъ закономъ почти тоже случилось. Человѣкъ затерялъ образъ Божій, заглушилъ голосъ совѣсти, и древній—откровенный законъ разсматривалъ, какъ что-то ему чуждое, внѣшнее, обрядовое.

(2) Напр. сфера семейственнаго права, уголовнаго и др.

(3) Das Recht des Besitzes. VI Ausg. 1837. Giessen.

(4) Zeitschrift fur geschichtliche Rechtswissenschaft, v. *Savigny, Eichhorn* und *Göschen*.

нымъ историческимъ направленіямъ. *Нибуръ* чутьемъ понялъ, что на Ватиканскомъ Палимпсестѣ, подъ буквами блаженнаго Іеронима, кроются другіе знаки, другія слова и мысли, не анахорета египетскаго, а классическаго юрисконсульта; химическій анализъ вполнѣ подтвердилъ вѣрность чутья (1). Заслуги исторической школы трудно обозначить однимъ словомъ. Довольно указать на то, что теперь вся юридическая литература совершается подъ вліяніемъ оной, что римскій и германскій бытъ подняты и вызваны къ новой, настоящей жизни, и просвѣтлены сціентифическимъ пониманіемъ, во всѣхъ своихъ историческихъ состояніяхъ. Мало того, и наше *русское право*, понемногу, съ великимъ трудомъ, начинаетъ воспринимать первое естественное движеніе, стало показывать первые знаки своего литературнаго зарожденія. И такъ возрадуемся радостію свѣтлою о скоромъ рожденіи настоящей историко-юридической науки въ нашемъ отечествѣ; не возмутимъ этого младенца, лежащаго пока въ утробѣ матерней, никакимъ нескромнымъ, буйственнымъ движеніемъ, дабы не обезобразить красоты его. Хорошо было бы, благородно съ нашей стороны, если бы кто-нибудь изъ Русскихъ, по примѣру западныхъ учителей, приготовилъ ко дню его рожденія достойный гимнъ, изъ какой-нибудь исторической области русскаго права классическое сочиненіе. Но циклъ славнаго существованія исторической школы видимо оканчивается. Въ наше время доказано убѣдительнѣйшимъ образомъ, что историческое пониманіе Савиньи и его послѣдователей не полно, и скользитъ болѣе по одной поверхности юридическихъ явленій, не опредѣляя ихъ физіологіи, *природы*. Историческая школа указала на одни *источники* права, на видимыя, внѣшнія формы, которыми обозначается процессъ юридическихъ идей въ пространствѣ и времени. Но здѣсь еще не видно внутренней стороны юридическихъ отношеній; не видно положительной матеріи, сущности юридической, которая должна быть въ каждомъ явленіи, и условливать его форму и движеніе. Однимъ словомъ, мы видѣли тѣло, а духа не знали.

Въ наукахъ *естественныхъ* приступили уже къ химическому анализу *органической природы* и получили блестящіе результаты; видно, таже чреда приходитъ и праву — наукамъ *юридическимъ*. Въ самомъ дѣлѣ, предметомъ ихъ изслѣдованія служитъ *природа* человѣческая къ юридическомъ ея быту, одинъ изъ живѣйшихъ и свободнѣйшихъ

(1) Institutiones Gaii.

организмовъ. Движеніе его въ исторіи не случайно, не безсмысленно; формы, въ которыхъ выражаются его временные возрасты, складываются не одними внѣшними условіями, но истекаютъ изъ опредѣленной матеріи существа человѣческаго. Недостаточно знать, что первоначальная форма историческаго права у всѣхъ народовъ есть *обычай*, который въ свою пору смѣняется *положительнымъ закономъ*. Обычаи чрезвычайно разнообразны и не одинаковы у народовъ; а законы издаются въ безпредѣльномъ размѣрѣ. Отъ чего же происходитъ это явленіе? Отъ различія юридической матеріи, *сущности*, которая бываетъ различна въ каждомъ народномъ организмѣ. Эту-то органическую природу юридическихъ отношеній подвергаютъ новые ученые химическому анализу Объяснимъ задачу новой школы примѣромъ изъ *римскаго права*. Древнюю, національную систему, господствовавшую въ республикѣ и началѣ имперіи, обыкновенно называютъ *Квиритскимъ правомъ*. *Внѣшняя* физіономія его опредѣлена яркимъ образомъ, впрочемъ болѣе чрезъ противоположеніе *новой общенародной системѣ*, привзошедшей въ Римъ изъ различныхъ мѣстъ и отъ различныхъ источниковъ. Формы Квиритизма ярки, пластичны, соединены съ символическими обрядами; движеніе ихъ во времени правильно, ровно, проходитъ по одной узкой колеѣ, землѣ италійской и римскому гражданству; возрастъ совершается какимъ-то живымъ, свободнѣйшимъ, нормальнымъ процессомъ, и обозначается полнымъ, стройнымъ, разнообразнымъ, но однослойнымъ организмомъ юридическихъ отношеній. Слѣдовательно весь этотъ организмъ управляется однимъ духомъ, содержитъ въ себѣ какую то мѣрную, опредѣленную, ощущаемую природу; это его *внутренняя физіологія*, надъ анализомъ которой начинаетъ работать *новѣйшая школа*, и которой почти не касалась старая школа *Савиньи*.

Появленію этой школы предшествовала также *революція*, впрочемъ не чисто политическая, но болѣе *общественная, соціальная*, 1847 и 1848 года. Кто внимательно слѣдилъ за ходомъ происшествій, за всѣми вопросами, вызванными въ жизнь, тотъ могъ предчувствовать, что наукѣ предстоитъ новая работа, новая эпоха. Народы дѣйствуютъ, разрушаютъ устарѣвшія юридическія учрежденія, а наука должна объяснить духъ, идею внѣшнихъ событій, должна уложить разбросанную, отрывочную дѣятельность въ стройную систему, и возвести современную жизнь въ форму понятій. Между различными предметами, на которые ударилось революціонное движеніе умовъ,

была и *историческая школа*; тогда же родоначальникъ ея, подвергнувшійся жестокимъ, и не совсѣмъ справедливымъ обвиненіямъ, сошелъ съ поприща политической дѣятельности, уединился въ своемъ внутреннемъ мірѣ, и почти забытъ. Въ *Берлинскомъ* Университетѣ, гдѣ процвѣтала его каѳедра, какъ слышно теперь, и помину нѣтъ о немъ. Впрочемъ такая странная неблагодарность къ заслугамъ Савиньи объясняется политическою его личностію, шедшею въ разрѣзъ съ современными требованіями. *Наука юридическая* всегда будетъ поминать имя Савиньи съ священнымъ благоговѣніемъ.

Въ *1852 году*, послѣ революціоннаго замиренія, *Іеринъ* возвѣстилъ зародившуюся новую эру юриспруденціи; подобно прежней исторической школѣ, онъ привѣтствовалъ ея рожденіе геніальнѣйшимъ сочиненіемъ, хотя стиля не классическаго (1), и для сообщенія тока новыхъ мыслей, основалъ, вмѣстѣ съ новымъ знаменитымъ германистомъ, теперешнимъ канцлеромъ университета въ Тюбингенѣ, историческій *Журналъ* (2). Открылась жестокая борьба между *Римскимъ* и *Германскимъ правомъ*, которыя нѣсколько вѣковъ жили въ дружбѣ, какъ бы въ товариществѣ, хотя и неравномъ (Societas Leonina); Римъ всегда любилъ эту форму товарищества (Foedus iniquum). Передовыми дѣятелями и ратоборцами пока являются личности посредственныя (3); но надобно ожидать скоро великихъ перемѣнъ въ наукѣ нашей, и могучихъ ея двигателей. Таковы авспиціи. Новые юристы за помощью обратились къ *естественнымъ наукамъ*, дабы возсоздать дѣйствительную, полную физіологію юридическихъ учрежденій, во всѣхъ ихъ временныхъ состояніяхъ. Школа эта не получила еще техническаго имени; мы не знаемъ, какъ ее назовутъ при торжественномъ актѣ введенія въ гражданскую жизнь. Слѣдовало бы ее назвать *физіологическою*.

Великъ, необъятенъ въ своемъ могуществѣ, непостижимъ умъ

---

(1) *Jhering*, Geist des römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung. I. Th. 1852. Leipzig. II. Th. 1854.

(2) *Jahrbücher* für Dogmatik des heutigen römischen und deutschen Privat-Rechts, von *Jhering* und *Gerber*. 1856.

(3) *Schmidt*, der principielle Unterschied zwischen dem römischen und germanischen Rechs. I. B. 1853. Rostock und Schwerin.

Lenz, Uber die geschichtliche Entstehung des Rechts. 1854, Leipzig.

Röder, Grundgedanken und Bedeutung des römischen und germanischen Rechts. Leipzig, 1855.

Hahn. Die materielle Uebereinstimmung der römischen und germanischen Rechtsprincipien. Jena. 1856.

человѣческій, этотъ двигатель науки! Какъ трудно, неловко, непривольно при немъ быть посредственному уму, которымъ надѣлено все почти человѣчество! *Революціи*, и въ политическомъ быту, сопровождаются нерѣдко мозговымъ потрясеніемъ. Представьте себѣ, что нѣкоторымъ членамъ современнаго общества довелось видѣть собственными глазами восемь страшныхъ переворотовъ *во Франціи*: отжившую монархію, съ своимъ политическимъ мученикомъ, 1793; Французскую революцію, съ разными знаменоносцами; военную имперію Наполеона 1; реставрацію съ Бурбонами; трансформацію съ Орлеанистами; новую революцію съ Ламартиномъ; новую республику, но уже не съ консулами, а однимъ пожизненнымъ президентомъ; и наконецъ новую имперію, *военно-гражданскаго* покроя. Будущее сокрыто. Не удивительно, что при этихъ поѣздахъ Франціи, быстротою своею сходныхъ почти съ чугунными, кто-нибудь, по тяжеловѣсности своей натуры, физической, или нравственной, при общей тревогѣ, засидится въ своемъ покойномъ вагонѣ, и не успѣетъ перенестись въ другой, или при временномъ соперничествѣ разныхъ политическихъ компаній, пустившихъ въ ходъ свои вагоны съ своими пассажирами, случайно попадетъ не туда, куда бы слѣдовало: тогда придется ему дорого заплатить за свою усидчивость и нерасторопность. Машина, на которую онъ сѣлъ, уже не въ ходу; компанія акціонеровъ не состоялась и покончила свои счеты; всѣ ловкія и подвижныя натуры передвинулись, смѣнили мѣста, и отправились съ послѣднимъ поѣздомъ по главной, боевой дорогѣ. Остались одни *запоздалые* люди, не умѣвшіе разсчитаться съ старымъ порядкомъ, хотя бы съ уступками, и не занявшіе въ новой іерархіи приличнаго мѣста. Съ лицеваго *посада*, на которомъ воздвигнуты великолѣпныя зданія новыхъ жильцовъ, они сведены, домы ихъ разрушены, пожитки разграблены, а сами они сдѣлались жалкими скитальцами по Божьему свѣту, ищущими у другихъ народовъ послѣдняго пріюта. За какую вину вытѣснили ихъ съ политическаго *посада*, и посадили на *отлётъ* земской общины, какъ *бобылей*, они не понимаютъ, и не видятъ, что они наказаны, по всей справедливости человѣческой, за свою запоздалость. Сколько такихъ людей теперь во Франціи! И такъ здѣсь есть достаточное основаніе для мозговаго потрясенія. Но намъ, Русскимъ, отъ всѣхъ французскихъ переворотовъ головы своей кружить не слѣдуетъ, потому что наше дѣло — *сторона*.

Но перевороты въ области наукъ должны касаться и насъ: ибо

здѣсь нѣтъ географическихъ линій, отдѣляющихъ одно государство отъ другаго; всѣ ученые составляютъ одно общество. Для освоенія новыхъ идей требуется натура, необыкновенно подвижная, живая, симпатическая; а ученыя натуры какъ-то особенно тяжелы на подъемъ; чѣмъ даровитѣе натура, тѣмъ неподвижнѣе и самобытнѣе. Вообще личность истиннаго ученаго нѣсколько сурова, строга, аскетична: это отшельникъ новаго міра, въ немъ живущій, постоянно за нимъ слѣдящій, вездѣ ему сопутствующій, но не для мірскихъ удовольствій, а для наблюденія за дѣйствительною жизнію, и возведенія ея въ форму высшихъ понятій. Кто рука объ руку идетъ съ вѣкомъ, раздѣляя его обыденныя радости и печали, тотъ не пользуется авторитетомъ между учеными: въ немъ замѣтна какая-то, милая впрочемъ, распущенность, или изысканность формъ; то и другое почитается несообразнымъ съ строгимъ типомъ ученаго труженика; полагаю, что такое мнѣніе составилось не безъ участія личныхъ интересовъ ученаго сословія.

Дѣло въ томъ, что надобно слѣдить за быстрыми движеніями науки, и сообразно съ ними измѣнять устройство своей лабораторіи, умственной и физической; а это не всегда легко и возможно. Есть убѣжденія, которыя глубоко залегли въ умѣ и сердцѣ, проникли все нравственное существо наше, нѣсколько разъ высказывались публичнымъ и частнымъ образомъ, и наконецъ перешли въ какую-то догматику. Вообще, глубокія вѣрованія неразлучны съ наукою, и разставаться съ ними больно и прискорбно. Такимъ образомъ въ обществѣ ученыхъ слагается также своя община запоздалыхъ людей. Слава Богу, что науки юридическія не подвергаются внезапнымъ и быстрымъ переворотамъ! А взгляните на *естественныя* науки! Тамъ происходятъ непрерывныя революціи. Давно ли *Либихъ* совершилъ чудный анализъ органической химіи? А теперь его опыты не имѣютъ никакой почти цѣны. Тоже самое повторяется въ *философіи*. Въ наше время, на нашихъ глазахъ, гегеліанскій *формализмъ*, или шеллингіанскій *мистицизмъ* почитались послѣднею гранію, далѣе которой уже невозможно самостоятельное движеніе философскаго ума. Теперь *германскій* умъ занятъ другими, жизненными вопросами и утомленъ отъ упорной борьбы съ ними, а, быть можетъ, изнуренъ отъ дѣйствительной, физической нужды. Но пройдетъ година испытанія, и онъ воспріиметъ опять естественный свой полетъ въ горнюю область, и оттуда принесетъ намъ какую-нибудь новую философію.

При очеркѣ школъ юридическихъ я имѣю въ виду одно молодое поколѣніе, и притомъ *юридическаго факультета*. По живости своей натуры, оно непремѣнно должно прислушиваться къ новой музыкѣ науки, перелагать ее на русскій инструментъ, и вводить въ жизнь; неприлично юному, свѣжему уму держаться запоздалыхъ, старыхъ началъ, напримѣръ, гегеліанскихъ. Вмѣсто тяжелыхъ и безполезныхъ трудовъ, употребленныхъ на построеніе изъ русской исторіи трехъ-этажнаго зданія, съ *родовыми*, *гражданскими* и *государственными* жильцами, молодые ученые должны обратиться къ существу дѣла, и понемногу вскрывать настоящую физіономію нашихъ юридическихъ учрежденій и вѣрованій, въ органическомъ процессѣ. Такая работа будетъ имѣть смыслъ и значеніе въ наукѣ, не мимолетное, а постоянное и плодотворное.

И такъ исторія права должна представить органическій процессъ юридическихъ идей въ извѣстномъ пространствѣ и времени, показать человѣческую ихъ физіологію, соединить государственныя и гражданскія учрежденія съ народомъ и землею, представить временное ихъ движеніе во взаимномъ соотношеніи; однимъ словомъ, наука должна выяснить *духъ права въ различныхъ историческихъ состояніяхъ народа*. Такое пониманіе называется *историко-органическимъ* или *физіологическимъ*.

Германскіе юристы показали уже намъ блестящіе образцы такого созерцанія. Начнемъ съ величайшаго родоначальника новой исторической науки, *Нибура*. Оставивши въ сторонѣ первый томъ его глубочайшихъ изслѣдованій объ Италійскихъ народахъ, и о первоначальномъ Римскомъ полу-миѳическомъ бытѣ, идите за нимъ въ исторію республики, вы встрѣтитесь лицомъ къ лицу съ древними Римлянами, увидите тѣлесную физіономію патриціевъ и плебеевъ, поймете всѣ естественныя, физіологическія положенія, въ которыхъ они находились, будете страдать и радоваться съ ними, и вынесете глубокое уваженіе къ римскому народу, тому и другому слою. Но чувство ваше начинаетъ оскорбляться съ той поры, когда у Римлянъ сталъ показываться нравственный и общественный безпорядокъ. Не здѣсь ли сокрыта причина, почему *Нибуръ* внезапно остановился на этой катастрофѣ, и бросилъ Римъ, предметъ страстной его любви, въ разгарѣ политическихъ партій. А Нибуръ вездѣ сочувствовалъ нравственному порядку! Посмотрите на другаго, дивнаго представителя органическаго созерцанія, на *Савиньи*. Въ своемъ послѣднемъ

сочиненіи (1) онъ представилъ такую, смѣю назвать, музыкальность юридическихъ институтовъ, что кромѣ знанія чувствуешь еще эстетическое наслажденіе (2). Правда, этотъ необыкновенный даръ выказывается у него болѣе въ *систематической, догматической сторонѣ* пониманія, нежели *исторической*. Исторію Савиньи понимаетъ по своему, какъ форму, какъ явленіе, видимое въ положительныхъ источникахъ; далѣе этой линіи онъ не пошелъ, боясь отвлеченно-философскаго взгляда, особенно гегеліанскаго. Но обратитесь вы къ *Иерингу*: предъ вами открывается новая физіономія римскаго квиритскаго права, которую не вдругъ и поймете, привыкнувъ къ старымъ мыслямъ. Но по мѣрѣ углубленія и освоенія, выясняется и отливается въ одинъ типическій образъ весь квиритизмъ, господствовавшій въ республикѣ (3). Въ своемъ Журналѣ онъ объяснилъ *программу* новой литературной дѣятельности убѣдительнѣйшимъ образомъ; а *Герберъ* сдѣлалъ первую, и весьма удачную, пробу новаго метода надъ семейственными фидеикоммиссами (Familien-Fidei-Commisse), по римскому и германскому праву (4). Вотъ какое могущество можетъ имѣть наука! Обыкновенно у насъ въ Россіи думаютъ, что *римское право*, впрочемъ только оно одно, кончено въ своемъ сціентифическомъ развитіи, и дальнѣйшаго движенія имѣть не можетъ. Для ума человѣческаго, въ доступной ему сферѣ, нѣтъ предѣловъ; но довольно объ историческомъ методѣ вообще; пора перейти къ нашему предмету.

Сочиненіе г. Чичерина, съ этой стороны разсматриваемое, смѣю назвать слабымъ, не смотря на историческое его направленіе. Въ немъ не видно ни внѣшняго, ни внутренняго процесса, которому должны необходимо подлежать юридическія учрежденія Россіи. Иначе и быть не могло при той точкѣ отправленія, съ которой онъ смотритъ на старую Русь. Въ этомъ отношеніи, авторъ нашъ вы-

---

(1) *Savigny*, System des heutigen römischen Rechts. IX Bände. 1840 — 1851. Berlin.

Его же. Obligationen—Recht. 1 und 2 Band. 1851—1853. Berlin.

(2) Для примѣра можно указать на слѣдующіе институты: 1. Iuristische Personen (II. B.). 2. Rechts Verhältnisse (III. B.). 3. Klagen (V. B.). 4. Litis Contestation und Urtheil (VI. B.). 5. Herschaft der Rechts-Regeln über die Rechts-Verhältnisse (VIII. B.)

(3) II. B. Das specifisch—römische Rechts«system. Съ нетерпѣніемъ ожидаетъ наука продолженія.

(4) См. Jahrbücher. I. Heft.

держиваетъ логическую послѣдовательность съ необыкновенною стойкостію. Я не требую отъ русской юридической школы органическаго процесса, какой заданъ новѣйшею школою на Западѣ; такъ далеко не простирается моя ученая взыскательность; но по крайней мѣрѣ, желательно бы видѣть историческое настроеніе молодыхъ умовъ. Быть можетъ, мнѣ скажутъ въ оправданіе свое: «*Учрежденія государственныя вообще не сподручны для историко-органическаго пониманія*». Это замѣчаніе отчасти справедливо. Дѣленія земли на области, воеводства, провинціи, губерніи, какъ будто походятъ на математическія линіи, проводимыя по ней въ извѣстномъ направленіи, свободно, произвольно, смотря по ловкости чертежника. Отсюда безконечное разнообразіе этихъ линій на поверхности земель и непрестанное ихъ измѣненіе. Взгляните на карту Франціи, Англіи, Сѣверной Америки; потрудитесь открыть старый атласъ древняго міра, напр. римскихъ провинцій; не позабудьте и церковной іерархіи; какая пестрота въ чертежахъ! Но всматривайтесь глубже, пристальнѣе въ эти чертежи, и вы увидите, что водитъ ими рука великаго мыслителя, соображающаго всѣ историческія, географическія, народныя и политическія различія земель; а всего чаще эти линіи нарѣзываются сами собою, какъ будто вырастаютъ изъ земли, и имѣютъ дѣйствительное органическое свойство. Русская земля есть одно изъ величайшихъ органическихъ наращеній; складывалась она по немногу, не однимъ путемъ завоеванія, а какою-то тягучестію народа, идущаго въ безпредѣльную даль, и притомъ не прямолинейно, а по мѣстному и временному удобству. Отъ такого разновременнаго наращенія у ней нѣтъ правильныхъ и ровныхъ государственныхъ линій; есть области чрезвычайно крупныя и чрезвычайно малыя; прирѣзки къ нимъ растягиваются на неизмѣримомъ и отдаленномъ пространствѣ, напр. Новгородскія владѣнія.

Народонаселеніе Русское весьма разнообразно въ своихъ историческихъ, земельныхъ и общественныхъ состояніяхъ; напр. Кіевское, Новгородское, Московское, Сибирское, Двинское и т. д. Всѣ эти историческія условія опредѣляли государственный чертежъ; намѣстникамъ и воеводамъ даны были особыя инструкціи, которыми они должны руководствоваться при своемъ управленіи; въ инструкціяхъ всего обозначить нельзя; поэтому давались имъ частныя полномочія къ свободнымъ дѣйствіямъ, сообразно съ мѣстными обстоятельствами. Центръ всеобщаго политическаго тяготѣнія открытъ былъ нако-

нецъ въ *Москвѣ;* но не вдругъ притянулись къ нему всѣ земли, составлявшія величайшее въ свѣтѣ государство—Россію. При настоящемъ состояніи Россіи, особенно съ отвлеченной точки зрѣнія разсматривая, дѣленіе областей и *подчиненіе одного города другому было совершенно неправильное* (Тезисъ 16); но въ XVI и XVII вѣкѣ это явленіе было органическое, вышедшее изъ всѣхъ условій тогдашняго быта. Проводникомъ въ этотъ путь изслѣдованій можетъ у насъ служить Церковь—передовой вожатый православной Россіи. Вотъ, что я называю историческою почвою, на которой надобно стоять всякому русскому историку.

Но г. Чичеринъ—*философъ*. Вдвинувши въ живую жизнь русскаго народа опредѣленное число отвлеченныхъ, изъ гегелевой философіи заимствованныхъ понятій, онъ заслонилъ намъ весь личный процессъ этой жизни, поставилъ Россію въ странное, несвободное положеніе, въ зависимость отъ внѣшняго начала. Отсюда произошла роковая уродливость всѣхъ ея *учрежденій и властей*. По видимому, чрезъ эти учрежденія проходитъ время, но какимъ-то чуднымъ маршомъ, нисколько ихъ не трогая, не отражая на нихъ своихъ современныхъ требованій. Тѣмъ, или другимъ именемъ назовете вы юридическія учрежденія, все равно; въ перемѣнѣ имени нѣтъ еще историческаго процесса. А у насъ вся исторія государства ограничивается такими реформами. Между старымъ волостелемъ и новымъ воеводою какое необъятное разстояніе по времени! Между тѣмъ, въ политическомъ, и даже личномъ ихъ характерѣ нѣтъ ни малѣйшаго различія: тотъ и другой, по милости добраго хозяина Россіи, получаетъ отъ него извѣстныя земли *въ кормленіе*, «*чтобъ можно было сыту быти*». И вотъ въ 7-мъ тезисѣ г. Чичеринъ выводитъ это единство: *въ воеводскомъ управленіи сохранились черты прежней системы кормленій*. Другаго типа вовсе не видно во всемъ сочиненіи; а самый физическій актъ кормленія не представляетъ въ исторіи большихъ измѣненій. Смѣю думать, что и древніе и новые народы совершали его почти одинаково, при одинаковомъ устройствѣ тѣлеснаго организма: различны могли быть одни предшествующіе, или послѣдующіе пріемы за главнымъ актомъ. Всѣ наши учрежденія не вытекли изъ народа, изъ его свободнаго духа; не показываютъ ни степени гражданскаго его образованія, ни потребностей общихъ и мѣстныхъ; онѣ разстилаются надъ народомъ, какъ паутина, сотканная не разумною мыслію, а какою-то игрою

случая. Всѣ наши государственные правители также непародны; какъ *Орда*, они откуда-то пришли къ намъ, не имѣя къ народу ни сочувствія, ни уваженія, не зная никакой другой обязанности кромѣ удовлетворенія своихъ житейскихъ потребностей на счетъ народа. За такое нашествіе ихъ на русскую землю, они не пользуются никакою народною любовію, не оставляютъ по себѣ ни какой нравственной связи: народъ привыкъ къ мѣнѣ ихъ, и разсматриваетъ ихъ, какъ Божію кару, какъ роковую тучу, которая должна разразиться надъ его головою и убогимъ жилищемъ. По чувству самосохраненія, котораго нельзя отрицать ни въ какомъ живомъ существѣ, онъ заранѣе приготовляется встрѣтить эту грозу, и укрывается въ какомъ-либо ущельи. Отсюда произошло страшное, едва мыслимое событіе: *народъ тяла не тянетъ;* и другое, еще ужаснѣе: *всеобщее кочеваніе;* и третіе, которому не могу пріискать приличнаго названія: *областные правители не повинуются верховной власти* (Смотр. 14 тезисъ.). Отсюда вытекла эта неоткровенность, непрерывная ложь, взаимный обманъ, отсутствіе всякой родственной и человѣческой связи между правительствомъ и народомъ. Какъ будто предъ глазами нашими открываются двѣ враждебныя стихіи, одна другую разрушающія, одна другой противодѣйствующія. Посмотрите на правительство старой Руси: оно дѣлаетъ много, хлопочетъ о податяхъ, о службахъ, объ осѣдлости; непрерывно заботится о своемъ благосостояніи, и не можетъ его устроить, потому что это зависитъ отъ случая—урожая, или неурожая, желанія, или нерасположенія народа заплатить свои оброки. Естественно, всю эту тревожную—эгоистическую дѣятельность не благословляетъ Провидѣніе. Народъ не сочувствуетъ правительству, не вѣритъ въ его отеческія попеченія, и придумываетъ всѣ средства ускользнуть отъ исполненія своихъ обязанностей. Когда читаешь въ сочиненіи г. Чичерина жалобы областныхъ правителей на различныя провинности народа, и челобитныя народа на злоупотребленія ихъ, тогда чувствуешь въ душѣ глубокую скорбь, истинное сожалѣніе и о бѣдномъ правительствѣ и о бѣдномъ народѣ, не умѣя разрѣшить, кто изъ нихъ несчастнѣе. Но неужели такъ было у насъ на самомъ дѣлѣ? Въ доказательство представляютъ различныя свидѣтельства, почерпнутыя изъ достовѣрныхъ нашихъ источниковъ. Но во первыхъ скажу отрицательно, что я не вѣрю такимъ источникамъ, и ни кому не повѣрю, не смотря на всю логическую убѣдительность доводовъ. Ибо такое со-

стояніе внѣ человѣческаго пониманія, и не имѣетъ никакой физіологіи. А я — существо физіологическое. Судите и казните меня, какъ вамъ угодно. Во вторыхъ скажу утвердительно, что народъ русскій никогда не бывалъ побѣжденнымъ народомъ; князей онъ призвалъ по собственному произволенію—для *государственнаго паряда*, который какъ-то не давался ему, какъ и другимъ славянскимъ народамъ; съ этими правителями, хотя и чужеземными, онъ пришелъ разомъ въ нравственное, религіозное и общественное единеніе; элементы такого физіологическаго единенія онъ получилъ не отъ нихъ, напротивъ имъ сообщилъ весь свой національный типъ. Далѣе, отношеніе наше къ *Татарамъ* было весьма условное, внѣшнее, финансовое. Наконецъ въ Россіи есть одна характеристическая черта, сообщающая ей сходство съ міровымъ значеніемъ Рима: это—всепоглощающая не натура: въ ней изчезла Норманская, Финская, Татарская, и другія національности, какія только могли быть на старой русской землѣ. Все сведено, освоено, ассимилировано съ русскимъ организмомъ, а организму отъ такого заноса чуждыхъ словъ вреда не было. Силу этого народнаго организма мы видимъ даже тамъ, гдѣ уже вообще національность мало значитъ, именно въ *религіи*, въ *Церкви*. Получивши ее, какъ Божіе благословеніе, какъ завѣтъ священный, отъ *Грековъ*, на Греческомъ языкѣ, съ Греческимъ Церковнымъ уставомъ, съ Греческимъ духовенствомъ, Русь но немногу стала набрасывать на эту *откровенную*, неземную вѣру свой отливъ, осваивать ее по своему чувству и по своимъ формамъ, не отступая отъ прототипа, переложила ее на свой природный языкъ, округлила ее своими новыми обрядами и вѣрованіями, вселенскую Святыню пріумножила своими Угодниками и Чудотворцами; однимъ словомъ, Греческая вѣра перешла въ плоть и кровь нашу, сдѣлалась одною изъ первѣйшихъ и чистѣйшихъ стихій Русскаго духа. Мы всѣ, по благодати, имѣемъ счастіе принадлежать къ Православному Греко-Россійскому исповѣданію. Перенеситесь на Западъ съ этою мыслію, и вы увидите другое явленіе: Латинская вѣра легла на народы, какъ тяжелая, отвердѣвшая сила, и не могла претерпѣвать никакихъ измѣненій народныхъ. Ее исповѣдуютъ тамъ на чужомъ, латинскомъ языкѣ; формы и обряды католическіе вездѣ одинаковы, непреложны, не смотря на различіе народностей и историческихъ ихъ состояній. Нужно было совершенно отречься отъ нея, и что еще ужаснѣе, даже возненавидѣть и вѣру и исповѣд-

никовъ, чтобы нѣкоторые народы получили самобытное развитіе. И такъ возблагодаримъ отъ всего сердца предковъ нашихъ, что они составили и утвердили Православную, но Греко-Россійскую вѣру, провели ее къ самымъ тайнымъ углубленіямъ человѣческой природы, къ *сердцу народному*, и оттуда, различными каналами, сообщили ей живое и благотворное теченіе по всему государственному и частному организму. И такъ, если народъ русскій одаренъ былъ такою удивительною, *образовательною* силою, то неужели онъ не могъ устроить себѣ порядочныхъ общественныхъ формъ? Если военная Варяжская дружина не долго держалась въ своей особности, скоро слилась съ русскимъ народомъ и приросла къ его землѣ: то могло ли статься, чтобы изъ нея вышли одни грабители, разбойники, *сыщики* государевыхъ интересовъ? На землѣ нашей не стояли иноплеменныя полчища, охранявшія эту воображаемую крѣпость—*княжество*; а войска набирались изъ народа, и были слѣдовательно ему близки. Воля ваша, г. историки, а тутъ должно быть что-нибудь не вѣрно. Нельзя себѣ представить въ дѣйствительной жизни такого состоянія, которое вы намъ набрасываете въ вашихъ увлекательныхъ очеркахъ; оно немыслимо, и одного момента въ исторіи просуществовать не можетъ. Здѣсь я не вижу *праведника*, ради котораго Милосердый Богъ такъ долго потерпѣлъ бы злочестивое нарожденіе. Подобно Содому и Гоморрѣ, небесный огонь непремѣнно опалилъ бы все лицо и всю землю Россіи, и лишилъ ее дыханія. Таковъ уставъ Божественной Правды! А мы между тѣмъ жили, росли, усовершались, богатѣли и бѣднѣли, заболѣвали и выздоравливали, подвергались различнымъ испытаніямъ, но не унывали; однимъ словомъ, жили, какъ слѣдовало жить православному русскому народу и прославляли имя Божіе на землѣ, въ нашей Русской Церкви, какъ нѣжные сыны чадолюбивой Матери, *единымъ сердцемъ и едиными устами*. Народъ довѣрялъ правительству, а правительство заботилось о народѣ, — и всѣ состояли между собой въ физіологической связи, какъ члены одного великаго семейства. А г. Чичеринъ, остановившись на однихъ внѣшнихъ, отрывочныхъ событіяхъ въ старой Россіи, а не объяснивши ихъ надлежащимъ порядкомъ, составилъ по нимъ общую физіономію народа и государства, и разорвалъ между ними всякую нравственную и естественную связь.

Но этимъ не ограничилась разрушительная сила разсудочнаго его мышленія: поссоривши старичковъ нашихъ между собой, и поставивъ

насъ въ свидѣтели при ихъ дракахъ, обманахъ, жалобахъ, при всѣхъ семейныхъ сценахъ, онъ и насъ лишилъ всякаго нравственнаго и физіологическаго обобщенія съ нашими предками. Новая Русь стоитъ отдѣльно, одиноко, какъ кусокъ земли, оторвавшійся отъ своего материка, безъ всякой влаги, безъ всякой растительности. Какія средства не предпринимайте для оживленія этой умершей, отвердѣвшей матеріи, онѣ не сообщатъ ей органическаго духа. Московскіе цари погубили старую Русь, вырѣзали лучшихъ ея людей, заклеймили пятномъ безславія все тогдашнее общество, и составили новую дружину—*опричнину*, стали созидать новую Русь на новой землѣ, съ новымъ порядкомъ и устройствомъ. Во имя государства, — какъ высшей идеи, послѣдней въ гегеліанскомъ циклѣ, молодые историки разрѣшили имъ всѣ средства, всѣ дѣйствія, нужныя для достиженія такой высокой цѣли. И вотъ—въ самомъ дѣлѣ у насъ являются *двѣ Россіи*, какъ двѣ отдѣльныя народныя личности, одна другой враждебныя, какъ будто разноплеменныя. Старая Русь относится къ нашему новому духу, какъ *логическое отрицаніе*, стоитъ внѣ нашего пониманія, внѣ всякаго сердечнаго сочувствія. Какое чувство можно имѣть къ нашимъ предкамъ, не выразившимъ въ своей жизни никакой общечеловѣческой идеи, исказившимъ образъ Божій до ужаснѣйшихъ формъ? И художественнаго наслажденія не льзя получить отъ такой картины, потому что она не представляетъ идеала безобразія. И такъ и мы стоимъ одиноко, безъ предковъ, безъ преданій, какъ обрывокъ племени, при переходахъ историческихъ отдѣлившійся отъ цѣлаго народа, и запомнившій свое происхожденіе. Мы не понимаемъ нашей старой исторіи, не можемъ представить ее ни въ живыхъ лицахъ, ни въ дѣйствительныхъ событіяхъ. Кто думаетъ иначе, тотъ глубоко ошибается, и мозговыя разсудочныя свои операціи принимаетъ за настоящіе предметы. Но мы сдѣлаемъ опытъ, и докажемъ, что это—одно очарованіе. Духъ человѣческій одаренъ удивительною, эластическою силою; при всемъ своемъ ограниченномъ объемѣ, онъ можетъ носить въ себѣ всѣ судьбы народовъ, воспроизводить давно минувшую древность — съ лицами, физіологіей, съ плотію и кровію, бесѣдовать съ умершими предками, какъ съ живыми существами, сочувствовать имъ въ ихъ радостяхъ и печаляхъ— во время житейскаго ихъ странствованія; однимъ словомъ, мы можемъ въ душѣ нашей повторить прошедшую исторію народовъ во всемъ ея историческомъ процессѣ. Геніальные историки доставляютъ

намъ такое высочайшее наслажденіе чрезъ возстановленіе живыхъ физіономій; укажу на *Нибура*. Но духъ народный, сердце, дѣйствительно вмѣщаетъ въ себѣ всю исторію своего народа: ибо здѣсь уже и предметъ для объема не слишкомъ великъ, а сердце, вмѣстѣ со всею природою нашею, образовалось физіологическимъ процессомъ — отъ единаго духа и плоти, вылившагося въ *форму народа*. Этотъ народный духъ, особенно въ человѣкѣ симпатической натуры, можетъ прозрѣвать всю прошедшую исторію своего народа въ лицахъ, можетъ видѣть историческую поступь его въ вѣковомъ шествіи, напутствовать его всѣми святыми молитвами, и болѣзновать при уклоненіяхъ его отъ прямаго пути. Онъ хотѣлъ бы, изъ любви къ нему, предупредить его отъ преткновеній, зная напередъ предстоящую бездну; но это не возможно: дѣло кончено, паденіе случилось.

Народной исторіи никто не можетъ ни выдумать, ни исказить, потому что хранитъ ее весь народъ; онъ и толковникъ, и жрецъ, и тайновидѣцъ даже будущихъ судебъ, на сколько это доступно человѣческому разуму. И такъ, при всѣхъ уродливыхъ, или красивыхъ оттискахъ русской исторіи въ литературныхъ станкахъ, настоящій ея образъ никогда не изчезнетъ,—и придетъ время, когда явится истинный, природный толковникъ, который совершитъ надъ памятниками нашего отечества новую операцію, объяснитъ намъ весь историческій ходъ, оживитъ минувшія времена, и сблизитъ новую Россію съ древнею *физіологическимъ*, *органическимъ* образомъ. *Нибуръ* совершилъ подобную реставрацію надъ древнимъ, римскимъ народомъ. Намъ легче это сдѣлать. А памятниковъ у нашего народа безчисленное множество. Если литературные источники сбиваютъ нашихъ молодыхъ ученыхъ и показываютъ имъ какіе-то ужасные образы; то мы бросимъ эти источники, изъ которыхъ течетъ такая мутная, грязная вода, и обратимся къ другимъ, чистѣйшимъ токамъ. Въ землѣ нашей, въ ея урочищахъ — живыхъ и мертвыхъ, въ преданіяхъ народа, въ языкѣ, въ физіономіи народной, во всѣхъ учрежденіяхъ— государственныхъ, земскихъ и частныхъ, въ Православной Церкви и обрядахъ, вездѣ найдемъ историческое *откровеніе*: нужно только съ простотою ума и чистотою сердца смотрѣть на всѣ эти свидѣтельства, а не пропускать ихъ чрезъ условную, готовую призму. Въ этомъ симпатическомъ духѣ народномъ судьбы старой Руси, начертанныя новыми художниками, не укладываются, не осваиваются,

Такъ, изъ картины русскаго быта, начертанной рукою г. Чичерина, мы не выносимъ никакой боли, никакого сердечнаго ощущенія, хотя эта картина представляетъ исторію нашего отечества, и при томъ по времени, намъ близкую: *XVII вѣкъ*. По правиламъ разсудочнымъ, мы должны вывести отсюда необходимое заключеніе о цѣльномъ отсутствіи всякаго нравственнаго достоинства въ русскомъ обществѣ XVII вѣка. Кто носилъ тогда образъ Божій, и понималъ земное свое назначеніе, тотъ долженъ былъ испытывать адскія мученія; и, не желая потерять всю человѣческую природу, не находя въ себѣ никакихъ силъ терпѣть эти мученія, обязанъ былъ немедленно оставить это чудовищное государство, и бѣжать, бросить все, что было дорого, свято, близко его сердцу.

Было однажды во всемірной исторіи такое страшное явленіе предъ кончиною древняго міра: въ самомъ дѣлѣ, забѣжалъ человѣкъ въ лѣса, степи, непроходимыя мѣста, и основалъ здѣсь новое Христіанское жилище. Наши предки никуда не рѣшились бѣжать, ни въ *нѣмецкую* землю, ни въ *литовскую*, тогда какъ тамъ всѣ жили привольно, и нашихъ выходцевъ приняли бы тамъ съ радостію. Правда, нѣкоторые люди, характера болѣе веселаго и жизни разгульной, а гдѣ ихъ нѣтъ? иногда шатались по бѣлому свѣту, уходили отъ своей земли, куда тянуло ихъ тягло; но и эта вольница никогда не переступала за предѣлы русской земли, и нагулявшись вдоволь, возвращалась къ своимъ пепелищамъ. Впрочемъ въ этомъ разгульѣ я не вижу уголовнаго преступленія, по существовавшему тогда закону: *вольному воля*. Однажды вздумалъ сдѣлать такой преступный уходъ знаменитѣйшій удѣльный князь нашъ—*Курбскій*, при обстоятельствахъ, отчасти извиняющихъ такой поступокъ; и какъ глубоко раскаялся въ своемъ малодушіи! Онъ готовъ былъ, какъ переписка это доказываетъ, на всѣ сдѣлки съ *Грознымъ*, лишь бы можно было возвратиться въ отечество, съ сохраненіемъ впрочемъ жизни. А *воспріять добровольно мученическій вѣнецъ*, къ чему приглашалъ его царь Иванъ Васильевичь, не всякому дано свыше: надобно быть достойнымъ такой чести. И такъ русскіе искони любили свое отечество, привязаны были къ нему всѣмъ сердцемъ, слились съ нимъ въ единую плоть и кровь, и готовы были защищать его отъ враговъ всѣми человѣческими и демонскими силами, что и доказывали на дѣлѣ. Слѣдовательно политическое устройство отечества было хорошо для нихъ, и вытекало изъ всего тогдаш-

няго быта органически. Но если кому-нибудь изъ новыхъ путешественниковъ, осматривающихъ нашу старину, не знаю, съ какою цѣлію, не нравится она въ этомъ видѣ: тому я, по законной довѣренности предковъ, и отъ ихъ имени, могу отвѣчать любимою ихъ поговоркой: *въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не входятъ.*

Мнѣ кажется, что самъ авторъ не состоялъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ той силы, которая исходитъ изъ дѣйствительнаго, живаго, человѣческаго быта: убѣжденіе выражается всѣми органами и передается легко читающему. При метномъ словѣ г. Чичерина непремѣнно отразилось бы гдѣ-нибудь нравственное его оскорбленіе, возмущеніе всего человѣческаго существа, которое раждается при взглядѣ на картину. Но рѣчь его вездѣ идетъ ровно, плавно, спокойно, безъ возвышеній и пониженій, свидѣтельствующихъ о движеніи чувства. Иначе и быть не могло. Авторъ нашъ совершаетъ одни діалектическія операціи надъ своими собственными понятіями, а не надъ живымъ народомъ; онъ разлагаетъ русское человѣчество во *второмъ моментѣ гегеліанскаго бытія* — въ формѣ *гражданскаго общества*; любуется ловкостію и правильностію методическихъ сѣченій, усиливаетъ разсудочный анализъ до самыхъ тончайшихъ дробностей, забывши совершенно, что *тѣло*, подлежащее анатомическому ножу, есть его собственное тѣло, что физіологія народа, которую разсудилось ему такъ обезобразить, отражается и на немъ и на всѣхъ насъ, имѣющихъ несчастіе принадлежать къ русской землѣ. Но я какъ будто вступилъ въ обвинительный процессъ съ г. Чичеринымъ, слѣдуя влеченію природнаго чувства; за это движеніе прошу великодушнаго снисхожденія. Мое дѣло — разборъ метода. Жизнь народная чрезвычайно многосложна; на нее можно смотрѣть съ разныхъ сторонъ, преломлять ее подъ различными углами. Методъ созерцанія играетъ здѣсь великую роль; отъ него зависитъ взглядъ ума, а отъ взгляда—извѣстная, опредѣленная физіономія народа. Надобно осторожно владѣть этимъ подвижнымъ орудіемъ; а г. Чичеринъ не сообразилъ всѣхъ послѣдствій своего методическаго снаряда.

Но по какимъ соображеніямъ онъ избралъ этотъ снарядъ, неудобный для русской исторіи?

Отъ чего взглядъ его на русскую исторію получилъ такой мрачный складъ? Въ *предисловіи* онъ уясняетъ намъ этотъ собственный духовный актъ: *только взглядъ на темныя стороны пред-*

шествующихъ періодовъ можетъ показать намъ всю ширину пройденнаго пути и заставитъ насъ принести дань благодарности великимъ дѣятелямъ; только при сознаніи темныхъ сторонъ мы увидимъ, что совершенныя преобразованія были не случайными распоряженіями, но основывались на ясномъ пониманіи нуждъ и потребностей времени (1). Это говоритъ г. Чичеринъ, имѣя въ виду двѣ славныя, путеводныя личности въ исторіи Россіи — *Петра I* и *Екатерину II*. Вотъ и ключъ къ разрѣшенію загадки. Г. Чичеринъ принялъ на себя роль адвоката въ какомъ-то небываломъ процессѣ, гдѣ подсудимыми являются Петръ Великій и Екатерина Великая. По правиламъ ораторской рѣчи, онъ долженъ былъ на всю прошедшую исторію набросить густую тѣнь, дабы свѣтлѣе, торжественнѣе и неожиданнѣе выходило это яркое солнце надъ темной атмосферой. Пріемъ показываетъ въ ораторѣ искусство и опытность, и предрасполагаетъ всякаго присяжнаго судію въ пользу подсудимыхъ. Но кто же осмѣлится вызвать ихъ на судъ? Въ титулѣ *Великихъ* отечество сознало все ихъ благодѣтельнѣйшее значеніе въ исторіи нашей, и выразило глубочайшую, вѣрноподданническую признательность къ ихъ подвигамъ, совершеннымъ для славы и благоденствія Россіи. Слѣдовательно, въ дѣлѣ излишнемъ, въ судѣ небываломъ, онъ обвинилъ нашихъ стариковъ, и выставилъ на видъ изъ всей ихъ жизни—такъ же многозначительной — однѣ *темныя стороны*. Здѣсь замѣтно въ адвокатѣ сильное пристрастіе. Притомъ я не понимаю, какимъ образомъ можно *увидѣть всю картину пройденнаго пути въ ночномъ мракѣ:* для такой мудреной операціи или надобно имѣть особенное устройство глазъ, или итти съ свѣтильникомъ въ рукахъ; но въ послѣднемъ случаѣ, по мѣрѣ приближенія свѣтильника къ извѣстному пройденному мѣсту, мракъ долженъ самъ собой исчезать.

Въ этомъ слѣдственномъ процессѣ между старою Россіею и новою, г. Чичеринъ руководствовался вездѣ русскими *источниками;* въ сочиненіи его видно необыкновенное обиліе ихъ и богатство знаній, и эта сторона достойна истиннаго уваженія, особенно, когда онъ высказываетъ собственное убѣжденіе въ значеніи своего литературнаго труда: *я старался изчерпать источники возможно полнымъ образомъ, такъ, чтобы мое разсужденіе составило по крайней мѣрѣ такое собраніе матеріаловъ, которымъ могли бы поль-*

(1) См. Предисловіе къ Областнымъ Учрежденіямъ, стр. II.

зоваться будущіе изслѣдователи по исторіи русскаго права (1). Прекрасная мысль, отзывающаяся сердечною теплотою и свѣтлымъ взглядомъ на будущую судьбу русской литературы! Но при этомъ случаѣ невольно скажешь: дивная вещь—эти русскіе источники! По видимому, надлежало бы ожидать отъ нихъ опредѣленнаго смысла, при опредѣленныхъ и условленныхъ внѣшнихъ знакахъ; а на дѣлѣ выходитъ на оборотъ. Одни изслѣдователи видятъ въ нихъ только темную сторону въ старой Руси, а другіе—одну свѣтлую. Кто изъ нихъ правъ, и кто виноватъ? И тѣ, и другіе. Они дѣлаютъ изъ исторіи какой-то *публичный процессъ*, гдѣ одна сторона обвиняетъ старую Русь, а другая защищаетъ ее; естественно, взаимное отношеніе ихъ должно получить противоположное направленіе, какъ бы борющихся сторонъ, и перейти даже въ личную страсть; а страсти вообще затемняютъ разумъ. Такимъ образомъ, источники, въ глазахъ ихъ, становятся подчиненнымъ, покорнымъ слугою, которому они, для своихъ частныхъ цѣлей и соображеній, дѣлаютъ различные наряды, и этотъ ловкій слуга служитъ службу двумъ господамъ, съ одинаковою вѣрностію. О лукавый рабъ! Но позвольте мнѣ спросить васъ, почтеннѣйшіе изслѣдователи, кто уполномочилъ васъ на эту кровную битву? Кто нападаетъ на старую Русь? Враги иноплеменные: но вы имъ ничего не отвѣчайте: ни одной строки не пишите для нихъ: это не ихъ дѣло. А если угодно имъ знать нашу исторію, то пусть читаютъ Карамзина. Что же касается до насъ, русскихъ, то смѣемъ увѣрить васъ, что мы желаемъ отъ васъ знать дѣйствительную русскую исторію, во всемъ ея физіологическомъ составѣ и постепенномъ развитіи, безъ всякой утайки и прикрасы, со всѣми слабостями, болѣзнями, испытаніями, какія предлежали этому живому организму на трудномъ житейскомъ поприщѣ, но и съ указаніемъ на силы, подвиги и средства, которыми владѣлъ онъ, и преуспѣвалъ въ своемъ возрастѣ. Мы желаемъ знать всю жизнь нашихъ предковъ, не для обвиненія, или оправданія ихъ въ нашихъ глазахъ, но для собственнаго поученія, для удовлетворенія самой живѣйшей, сердечной потребности слышать и наслаждаться безконечною и неумолкаемою пѣснію о старыхъ, минувшихъ вѣкахъ. При вашемъ искусственномъ положеніи, въ которое вы себя ставите, цѣль ваша не достигается: мы не желаемъ участвовать при обвинительномъ процессѣ нашихъ предковъ, не имѣя отъ природы наклонности къ подоб-

(1) Предисловіе, стр. III.

нымъ актамъ; а потому, всѣмъ вашимъ доказательствамъ и возраженіямъ не имѣемъ большой вѣры. И такъ не вѣримъ мы съ одной стороны, когда намъ на Руси временъ *Ярославовой правды* доказываютъ существованіе всѣхъ формъ государственнаго, общественнаго, церковнаго и частнаго быта, свойственныхъ только зрѣлому, сложившемуся организму; но не вѣримъ мы и съ другой стороны, когда въ *XVII вѣкѣ* разстилаютъ предъ нами картину всѣхъ учрежденій, всѣхъ состояній народа, въ безобразнѣйшихъ фигурахъ. И наше невѣріе основано на всей справедливости, и признано всѣми законами: мы здѣсь зрители сторонніе, судіи, пришедшіе посмотрѣть на художественную вашу выставку; въ этомъ положеніи мы пользуемся естественною свободою судить о вашихъ картинахъ и провѣрять историческое ихъ достоинство на основаніи *физіологіи человѣческой*. Быть можетъ, нашъ судъ не нравится вамъ, и не имѣетъ художественныхъ пріемовъ; но въ этомъ случаѣ извините насъ: вы сами, зная наши недобрыя свойства, добровольно рѣшились подвергнуть свои произведенія нашей оцѣнкѣ. Вы пишете и печатаете исторію русскаго права не для кабинетныхъ вашихъ упражненій, но для общества русскаго, для убѣжденія его въ извѣстныхъ юридическихъ началахъ, развитыхъ въ древнемъ государствѣ.

Литературные памятники суть также отраженіе личнаго ума дѣписателя, и не изъяты отъ произвольнаго пониманія. Слѣдовательно, не льзя воспроизводить исторію въ тѣхъ размѣрахъ и формахъ, какія наложены на нее древними писателями. Въ наше время *Герлахъ* и *Бахофенъ* вздумали было, вопреки Нибуру, возстановить Римскую исторію, по древнимъ преданіямъ, повторить ее, безъ всякаго свободнаго акта мышленія, въ древнихъ формахъ, со всею тогдашнею оболочкою (1); но наука отвергла этотъ опытъ, какъ недостойный, и авторы, какъ слышно, оставили свое предпріятіе (2). Нашей исторической критикѣ предстоитъ величайшій трудъ, объяснить истинный смыслъ историческихъ событій, заключающихся въ источникахъ, уставить, такъ сказать, *литературный канонъ*, и опредѣлить общее чтеніе (lectio vulgata). Въ этомъ трудѣ основою долженъ быть принятъ историко-органическій методъ.

1857 года
21 Генваря.

И. Крыловъ.

---

(1) *Gerlach* und *Bachofen*, die Geschichte der Römer. I. B. 1851. Basel.

(2) См. *Schwegler*, Römische Geschichte. I. B. 1853. Tübingen. II. B. 1856. *Mommsen*—Römische Geschichte. 1856. Berlin.